Пять ночей у Фредди. Серебряные глаза

Автор:
Кира Коутон

Пять ночей у Фредди. Серебряные глаза

Кира Брид-Райсли

Скотт Коутон

Пять ночей у Фредди #1

Много лет назад аниматроники, специально сконструированные животные-талисманы, развлекали посетителей пиццерии «У Фредди Фазбера». Но затем случилась жуткая трагедия, в результате которой заведение пришлось закрыть. Чарли, дочь создателя аниматроников, возвращается в родной город и вместе с друзьями отправляется в проклятую закусочную. Подростки и не представляли, какой кровавый кошмар их ожидает внутри.

«Five Nights at Freddy’s» – культовая компьютерная игра в жанре хоррор, которая стала одной из самых популярных игр в своем жанре, а также удостоилась высоких оценок критиков за уникальный подход.

Роман расширяет вселенную «Five Nights at Freddy’s», позволяя читателю не только проникнуться духом игры, но и узнать предысторию событий.

Скотт Коутон

Пять ночей у Фредди. Серебряные глаза

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава первая

Он меня видит.

Чарли упала на четвереньки, скорчилась, забилась в узкое пространство между стеной и игровыми автоматами; ладони натыкались на спутанные провода, бесполезные штепсельные вилки больно впивались в колени. Ее загнали в угол, единственный способ выбраться – прошмыгнуть мимо твари, но для этого Чарли недостаточно быстра. Девушка видела, как он крадучись расхаживает туда-сюда, высматривая малейшее движение в щелях между автоматами. Места для маневра почти не было, и все же Чарли попыталась отползти назад. Нога зацепилась за провод, и девушка остановилась, чтобы осторожно ее высвободить.

Раздалось клацанье металла о металл, и самый дальний автомат отлетел к стене. Преследователь ударил снова, вдребезги разбив экран, после чего обрушился на следующий автомат, и следующий, круша машины одну за другой в каком-то жутком ритме, постепенно приближаясь.

«Нужно выбраться отсюда, нужно выбраться!» – тщетно билась в сознании заполошная мысль. Выхода нет. Рука болела, хотелось зарыдать в голос. Изодранная повязка окрасилась красным, Чарли казалось, будто она чувствует, как кровь вытекает из нее капля за каплей.

Автомат в нескольких футах от нее впечатался в стену, и Чарли вздрогнула. Преследователь приближался, скрип шестеренок и пощелкивание сервоприводов сделались громче. Даже зажмурившись, девушка видела, как он на нее смотрит, видела тусклый мех, проступающий под синтетической плотью металл.

Вдруг автомат, за которым она пряталась, рванули, и он отлетел в сторону, перевернувшись, как игрушечный. Из-под ее рук и ног выдернули шнуры питания, и Чарли, потеряв равновесие, чуть не упала. Обхватив себя руками, она посмотрела вверх и еще успела увидеть взмах крюка…

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ХАРРИКЕЙН, ШТАТ ЮТА

При виде знака Чарли сухо улыбнулась и поехала дальше. По ту сторону знака мир был точно такой же, и все же, миновав его, она ощутила какое-то нехорошее предчувствие. Все вокруг казалось незнакомым, впрочем, ничего другого Чарли не ожидала – все равно на этой окраине только шоссе да пустыри.

Интересно, как там остальные, как теперь живут. Десять лет назад они были лучшими друзьями, а потом случилось это, и все закончилось, по крайней мере, для Чарли. В последний раз она виделась с ребятами, когда ей было семь. В детстве они постоянно переписывались, особенно с Марлой – та строчила письма так же, как разговаривала: быстро и несвязно. Однако взрослея, они все постепенно отдалились друг от друга, так что предшествовавший этой поездке разговор вышел натянутым, полным неловких фраз. Чарли повторяла про себя имена, будто проверяя, что до сих пор их помнит: Марла, Джессика, Ламар, Карлтон, Джон. И Майкл… В конце концов, именно из-за Майкла она и приехала. Прошло уже десять лет с тех пор, как он умер, с тех пор, как случилось это, и теперь его родители хотят, чтобы все они собрались почтить его память. Они пожелали собрать всех старых друзей сына, объявив, что учреждают в его честь специальную стипендию. Чарли понимала, что это благое дело, и все же идея снова встретиться казалась ей жутковатой. Девушка поежилась и отключила кондиционер, хоть и знала, что он работает не на полную мощность и в машине не холодно.

Въехав в центр города, Чарли начала узнавать местность: несколько магазинов и кинотеатр, над которым растянули огромный плакат, призывающий всех посмотреть самый нашумевший фильм этого лета. Чарли ощутила мимолетное удивление, потом улыбнулась. «А чего ты ожидала? Что все вокруг останется неизменным? Застынет этаким памятником твоему отъезду, что 5 июля 1985 года время остановится?» В общем-то, именно этого она и ожидала. Девушка посмотрела на часы: до встречи еще несколько часов, нужно как-то убить время. Можно, конечно, сходить в кино, но Чарли знала, чего ей действительно хочется. Она повернула налево и поехала в пригород.

Десять минут спустя она остановилась и вышла из машины.

Показавшийся впереди дом темнел на фоне ярко-синего неба, словно рана. Чарли прислонилась спиной к машине, у нее слегка закружилась голова. Пришлось несколько раз глубоко вздохнуть и выдохнуть, чтобы прийти в себя.

Разумеется дом никуда не делся: несколько лет назад Чарли украдкой заглянула в банковскую книжку тети Джен и знала, что ипотека выплачена и тетя Джен по-прежнему платит налог на собственность. Прошло всего десять лет, и нет никаких причин, чтобы что-то менять. Чарли медленно поднялась по ступеням, отметив, что краска на них облупилась. Доска на третьей ступеньке до сих пор держалась на одном гвозде, а розовые кусты у крыльца разрослись пуще прежнего, и их шипы хищно втыкались в доски. Дверь была заперта, но у Чарли остался ключ. До сих пор ей ни разу не пришлось им воспользоваться. Снимая с шеи цепочку, на которой висел ключ, и вставляя его в замочную скважину, девушка вспомнила, как отец надел ей на шею эту цепочку. «На случай, если он тебе понадобится». Ну, вот и понадобился.

Дверь медленно открылась, и Чарли огляделась. Она мало помнила о первых нескольких годах, проведенных здесь. Ей было всего три года, и воспоминания слились в одно размытое пятно: горе и потеря, непонимание того, почему ушла мама. Она тогда постоянно цеплялась за отца, боялась покидать маленький мирок, ограниченный этим домом, чувствовала себя в безопасности, лишь тесно прижавшись к отцу, зарывшись лицом в его фланелевую рубашку, чувствуя исходивший от одежды запах машинного масла и раскаленного металла.

У самой входной двери начиналась лестница на второй этаж, но Чарли туда не пошла. Вместо этого она направилась в гостиную, где все предметы меблировки остались на прежних местах. Ребенком она этого не замечала, но для такого большого дома здесь было совсем мало мебели. Вещи стояли на большом расстоянии друг от друга и, казалось, терялись в огромном пространстве: диван слишком далеко от журнального столика, протяни руку – не достанешь; большое кресло чересчур далеко от дивана, так что сидящим на них людям было бы неудобно вести беседу. На деревянном полу в центре комнаты темнело пятно, которое Чарли быстро обошла и направилась в кухню. В шкафчиках осталось всего несколько кастрюль, сковородок и тарелок. В детстве Чарли никогда не испытывала ни в чем недостатка, но теперь непомерная громадность дома казалась ей своеобразным извинением, как будто живший здесь человек, и без того потерявший так много, пытался дать дочери все, что только мог. Он всегда все делал с размахом.

Когда она была здесь в последний раз, в доме царила темнота и все казалось неправильным. Чарли отнесли на второй этаж, в ее комнату, хотя ей было семь лет, и она добралась бы туда быстрее на своих двоих. Но тетя Джен остановилась на крыльце, подхватила ее на руки и понесла, заслоняя ее лицо

ладонью, точно Чарли – младенец, которому яркое солнце слепит глаза.

В комнате тетя Джен поставила Чарли на пол, закрыв за собой дверь. Тетя велела девочке собираться, и та заплакала, потому что все ее вещи не поместились бы в тот маленький чемодан.

«За остальными мы можем вернуться позже», – с плохо скрываемым нетерпением сказала тетя Джен, глядя, как Чарли нерешительно стоит перед комодом, не в силах решить, какую футболку взять с собой. За остальными вещами они так и не вернулись.

Чарли поднялась по лестнице и пошла в свою старую спальню. Дверь частично треснула, и открывая ее, Чарли испытывала острое чувство неуместности происходящего, боясь, что сейчас увидит саму себя, сидящую среди игрушек маленькую девочку, которая вот-вот поднимет глаза и спросит: «Ты кто?» Чарли вошла.

В ее комнате, как и во всем доме, все осталось на своих местах. Бледно-розовые стены, потолок с крутым уклоном, повторяющий форму крыши, тоже выкрашен в розоватый цвет. Старая детская кровать по-прежнему стоит у большого окна, матрас до сих пор на месте, а простыней нет. Оконная створка чуть-чуть приоткрыта, и полуистлевшие кружевные занавески легонько колышутся от дуновения ветерка. На полу под окном темнело пятно от воды – свидетельство многолетнего небрежения хозяев дома, позволивших дождю проникать внутрь. Чарли забралась на кровать и захлопнула окно. Створка подалась со скрипом, и Чарли, сделав шаг назад, снова оглядела комнату и творения своего отца.

Впервые оставшись в доме на ночь, Чарли боялась спать. Она не помнила саму ночь, но впоследствии отец часто о ней рассказывал, и история намертво отпечаталась в памяти. Чарли сидела в кровати и рыдала навзрыд, пока наконец не пришел отец. Он подхватил ее на руки и пообещал, что Чарли больше никогда не останется одна. На следующее утро, памятуя о данном слове, он взял Чарли за руку, повел в гараж и принялся за работу.

Первым его изобретением стал фиолетовый кролик, посеревший от многолетнего сидения на солнце. Отец назвал кролика Теодором. Ростом кролик был с трехлетнего ребенка – именно столько тогда было Чарли, – и у него был плюшевый мех, светящиеся глаза и щеголеватый красный галстук. Игрушка

умела только махать лапой, наклонять набок голову и говорить голосом отца: «Я люблю тебя, Чарли». Впрочем, этого вполне хватило, чтобы из Теодора вышел отличный ночной сторож, составлявший девочке компанию, когда она не могла заснуть. Теперь Теодор сидел на белом плетеном стуле в дальнем конце комнаты. Чарли помахала ему рукой, но включать не стала, и кролик не помахал в ответ.

После Теодора игрушки становились все сложнее. Некоторые работали, некоторые – нет; одни то и дело глючили, другие просто не удовлетворяли детское воображение Чарли. Она знала, что такие игрушки отец забирал обратно в мастерскую и разбирал на запчасти, но девочке не нравилось смотреть, как их демонтируют. Зато ее любимые игрушки все остались здесь и смотрели на хозяйку с надеждой. Улыбнувшись, Чарли нажала на кнопку рядом с кроватью. Та неохотно подалась, однако ничего не произошло. Девушка нажала снова, подождала несколько секунд, и на этот раз раздалось лязганье металла о металл, и единорог в дальнем конце комнаты пришел в движение.

Этот единорог – Чарли назвала его Стэнли, хоть и не помнила уже, почему выбрала это имя, – был сделан из металла и покрашен глянцево поблескивающей белой краской. Заложив круг, он прогарцевал по комнате, с натугой поднимая и опуская голову, добежал до кровати, уткнулся в угол и остановился. Чарли опустилась на колени рядом со Стэнли и похлопала его по шероховатому боку. Белая краска облупилась, а морда единорога покрылась ржавчиной, но глаза живо поблескивали.

– Надо заново тебя покрасить, Стэнли, – пробормотала девушка.

Единорог таращился прямо перед собой и безмолвствовал.

У изножья кровати находилось колесо, сделанное из спаянных металлических деталей; Чарли всегда казалось, что такая вещь пригодилась бы на подводной лодке. Девушка повернула колесо – оно сначала заклинило, но потом подалось, – и открылась самая маленькая дверца стенного шкафа, из недр которого выехала Элла, кукла размером с ребенка. В своих крошечных ручках она держала чайную чашку и блюдце, словно предлагая начать чаепитие. Клетчатое платье куклы осталось, как прежде, накрахмаленным, а открытые кожаные туфельки до сих пор блестели; возможно, шкаф защитил ее от сырости. Когда они с Эллой были одного роста, у Чарли был точно такой же наряд.

– Привет, Элла, – тихо сказала девушка. Она повернула колесо в другую сторону, и Элла вернулась в шкаф, а дверца шкафа начала закрываться. Чарли пошла следом за куклой. Шкафы были встроены под наклонный потолок, всего их было три. Элла жила в самом маленьком, его высота не превышала трех с половиной футов. Следующий шкаф был примерно на фут выше, а высота третьего, расположенного у двери спальни, равнялась высоте потолка.

«Почему у тебя три шкафа?» – спросил Джон, когда впервые вошел в ее комнату. Чарли тогда тупо смотрела на него, озадаченная этим вопросом.

«Потому что их три, – ответила она в конце концов и, словно оправдываясь, указала на самый маленький шкаф. – А в этом все равно живет Элла», – добавила она. Джон кивнул, удовлетворенный ответом.

Чарли покачала головой и открыла дверцу среднего шкафа, точнее, попыталась это сделать. Девушка еще раз подергала за ручку, но без особого успеха: заперто. Тогда она, не вставая с пола, посмотрела на самый высокий шкаф, ее «шкаф большой девочки», до которого она должна была дорасти. «Он тебе не понадобится, пока ты не подрастешь», – неизменно говорил отец, однако этот день так и не пришел. Теперь дверца шкафа была слегка приоткрыта, но Чарли не стала тревожить ее покой. Дверца приоткрылась не для нее, просто рассохлась от времени.

Девушка уже хотела встать, как вдруг заметила какой-то проблеск под запертой дверцей среднего шкафа. Подавшись вперед, она достала блестящий предмет. На первый взгляд он походил на кусочек сломанной печатной платы. Чарли слегка улыбнулась. Когда-то по всему дому валялись гайки, болты, кусочки металла и всевозможные детальки. У отца в карманах всегда лежало много этого добра. Он постоянно таскал с собой вещи, над которыми в тот момент работал, клал рядом с собой и забывал, где именно их оставил, или того хуже, откладывал что-то в сторонку, дабы «не потерять», после чего эту вещь уже никто никогда не видел. Прядь ее волос зацепилась за обломок платы, и Чарли осторожно высвободила волосы.

Наконец девушка поднялась, подошла к Теодору – можно подумать, она до последнего оттягивала этот момент, – и взяла кролика на руки. Фиолетовый мех у него на спине не вылинял, оставшись такого же яркого, насыщенного цвета, как в ее воспоминаниях. Девушка нажала на кнопку у основания шеи игрушки, но кролик остался безжизненным. Искусственный мех вытерся, одно ухо

свисало, еле-еле держась на единственной полусгнившей нитке, и в образовавшемся отверстии виднелась зеленая пластиковая плата. Чарли затаила дыхание, испуганно прислушиваясь.

– Я… бя… лю… – еле слышно произнес кролик, коверкая слова, и Чарли посадила его на место, чувствуя, как приливает к щекам кровь и учащенно бьется сердце. Она не надеялась вновь услышать голос отца. «Я тоже тебя люблю».

Чарли еще раз окинула взглядом комнату. Когда она была ребенком, это был ее собственный волшебный мир, принадлежавший ей одной; в этот мир допускались лишь немногие избранные друзья. Девушка подошла к кровати и снова отправила Стэнли в путешествие по кругу. Она вышла, закрыв за собой дверь до того, как единорог остановился.

Чарли вышла через черный ход и направилась к гаражу, который ее отец использовал как мастерскую. В нескольких футах от себя она увидела полускрытый гравием кусочек металла и нагнулась его подобрать. Посередине детали имелся шарнир, и девушка с улыбкой покрутила его в руках. «Это локтевой шарнир, – подумала она. – Интересно, кому он предназначался?»

В прошлом она множество раз стояла на этом самом месте. Чарли закрыла глаза и погрузилась в воспоминания. Она вновь стала маленькой девочкой, которая сидела на полу в мастерской отца, играя с деревянными и металлическими деталями, словно это детали конструктора – она пыталась сложить из них башню. В гараже было жарко, и Чарли обливалась потом, а ее ноги в шортах и кроссовках чернели от грязи, пока она сидела на полу. Она почти чувствовала резкий металлический запах припоя. Отец находился рядом, всегда в поле ее зрения, он работал над Стэнли, единорогом.

Морда Стэнли еще не закончена: одна сторона белая, блестящая и дружелюбная, с блестящим карим глазом, казавшимся почти зрячим. Другая половина игрушечной мордочки состояла из печатных плат и металлических деталей. Отец смотрел на Чарли и улыбался, а она улыбалась в ответ, чувствуя, что ее любят. В темном углу за спиной отца висели, едва различимые во мраке, металлические руки, ноги, лапы, сплетенный из множества деталей каркас-скелет с горящими серебристыми глазами. Он то и дело подергивался – жуткое зрелище! Чарли старалась на него не смотреть, но пока отец работал, а она играла со своими импровизированными игрушками, взгляд ее нет-нет да и останавливался на страшном остове. Казалось, его кривые руки и ноги

издеваются над ней, а сам скелет – этакий наводящий ужас шутник, и все же смотреть на него было почему-то больно.

– Папочка? – позвала Чарли, но отец, не поднимая головы, трудился над игрушкой. – Папочка! – повторила она настойчивее, и на этот раз он медленно повернулся к ней, словно мысли его витали далеко от этого мира.

– Что ты хочешь, малышка?

Девочка указала на металлический каркас. «Ему больно?» – хотела спросить она, но, посмотрев в глаза отцу, не смогла произнести ни слова и помотала головой.

– Ничего.

Отец кивнул и, рассеянно улыбаясь, вернулся к работе. Существо у него за спиной снова дернулось, а его глаза по-прежнему горели.

Чарли поежилась и вернулась в настоящее. Потом обернулась, чувствуя себя незащищенной. Посмотрела себе под ноги, и ее взгляд зацепился за три углубления в земле. Она опустилась на колени, задумчиво провела пальцами по одному углублению. Гравий разбросан в стороны, выемка в почве довольно глубокая. «Штатив для фотоаппарата здесь стоял, что ли?» Эти следы выбивались из привычной картины. Дверь мастерской, скрипнув, чуть приоткрылась, приглашая войти, но Чарли не испытывала ни малейшего желания заходить внутрь. Девушка быстро пошла обратно к машине, но, уже сев на водительское место, замерла. Ключи пропали, наверное, она обронила их где-то в доме.

Чарли снова отправилась внутрь, повторив свой изначальный маршрут, бегло оглядела гостиную и кухню, после чего вернулась в свою старую комнату. Ключи лежали на плетеном стуле, рядом с кроликом Теодором. Девушка взяла их и пару раз подбросила на ладони, словно собираясь с духом, чтобы покинуть комнату. Потом присела на кровать. Единорог Стэнли, как обычно, остановился рядом с кроватью, и Чарли рассеянно потрепала его по голове. Пока она находилась снаружи, стемнело, и комната погрузилась в полумрак. Почему-то без яркого солнечного света трещины и потертости на игрушках сразу стали заметны. Глаза Теодора больше не сияли, а его мех и полуоторванное ухо делали игрушку похожей на побитого жизнью бродягу. Посмотрев на Стэнли,

девушка увидела, что из-за ржавчины вокруг его глаз те выглядят как пустые глазницы, а зубы, прежде сиявшие в улыбке, теперь напоминают оскал черепа. Чарли встала и, стараясь не дотронуться до игрушки, поспешила к двери, но зацепилась ногой за проложенные по полу полозья, по которым ездил единорог. Споткнувшись, она растянулась во весь рост. Раздалось жужжание вращающихся металлических колесиков, и, подняв голову, девушка увидела прямо у себя перед носом пару маленьких ног, обутых в открытые кожаные туфельки. Она посмотрела выше.

Над ней возвышалась Элла. Кукла смотрела на хозяйку молча, недружелюбно, казалось, ее стеклянные глаза прожигают Чарли злобным взглядом. Чайную чашку и блюдце Элла держала перед собой с солдатским безразличием. Чарли осторожно поднялась, стараясь не задеть куклу, после чего вышла из комнаты, шагая аккуратно, дабы случайно не коснуться игрушек. Как только Чарли ушла, Элла вернулась в свой шкаф, едва ли не печатая шаг.

Чарли сбежала вниз по лестнице, ей вдруг захотелось покинуть дом как можно скорее. В машине она попала ключом в замок зажигания только с третьей попытки, быстро сдала назад, не заботясь о сохранности лужайки, и вдавила педаль газа. Только проехав около мили, девушка расслабила напряженные плечи, остановила машину и какое-то время сидела, глядя прямо перед собой. Она заставила себя дышать медленно, повернула зеркало заднего вида и посмотрела на свое отражение.

Всякий раз, глядя в зеркало, Чарли ожидала увидеть гримасу боли, злости и сожаления, но этого никогда не случалось. Щеки розовые, круглое лицо, как обычно, кажется вполне веселым. Когда она только начала жить у тети Джен, то первые несколько недель только и слышала: «Какой милый ребенок. У девочки такой счастливый вид». Чарли всегда выглядела так, словно вот-вот улыбнется: карие глаза широко открыты, а тонкие губы того и гляди изогнутся в усмешке, даже если на самом деле ей хотелось плакать. Милый облик совершенно не соответствовал душевному состоянию Чарли. Девушка провела рукой по светло-каштановым волосам, словно надеясь, что ее кудряшки волшебным образом распрямятся и лягут ровно, потом повернула зеркало обратно.

Наконец она развернула машину и включила радио, надеясь, что музыка поможет ей вернуться в реальность. Она переключала радиостанции одну за другой, не особо прислушиваясь к музыке, пока наконец не попала на какую-то передачу, ведущий которой прямо-таки орал на слушателей. Чарли понятия не

имела, о чем он вещает, но резкие, раздражающие звуки его голоса помогли ей окончательно вернуться в реальность. Часы в машине вечно врали, так что девушка посмотрела на наручные часы. Уже подходило время встречи с друзьями, которую назначили в закусочной, почти в центре города.

Чарли вернулась на дорогу и нажала на педаль газа, слушая умиротворяющие выкрики ведущего.

Добравшись до ресторанчика, Чарли въехала на парковку, остановилась, но не припарковалась. Фасад закусочной светился огромным прозрачным окном, и девушка видела, что происходит внутри. Она не встречалась с друзьями много лет, но сейчас мгновенно заметила сидевших в кафе друзей.

Джессика сразу бросалась в глаза. Она всегда вкладывала в письма множество фотографий и теперь выглядела в точности как на последнем присланном снимке. Очень худенькая, с блестящими волосами до плеч, она даже сидя была выше всех мальчишек. Чарли разглядела, что одета Джессика в свободную белую блузу и украшенный вышивкой жилет, а на голову нахлобучила широкополую шляпу, декорированную огромным цветком – казалось, он вот-вот перевесит, и шляпа упадет на пол. Джессика что-то оживленно говорила и размахивала руками.

Напротив Джессики сидели двое ребят. Рыжий Карлтон выглядел повзрослевшей копией себя малыша. Лицо почти детское, но черты слегка заострились, а волосы тщательно растрепаны и зафиксированы каким-то волшебным средством для укладки. Хорошенький, почти как девчонка, одет в черную спортивную футболку, хотя Чарли сомневалась, что парень провел в спортзале хотя бы один день своей жизни. Карлтон облокотился на стол, подперев голову руками. Сидевший рядом с ним Джон устроился ближе к окну. Джон был из тех детей, что успевают извозиться в грязи, даже не успев выйти из дома. Если его учили рисовать, его рубашка моментально оказывалась испачкана красками; на его коленках зеленели пятна от травы прежде, чем он успевал дойти до площадки; не говоря уже о том, что ногти у него оставались черными даже после того, как он мыл руки. Чарли не сомневалась, что это Джон – кто еще это мог быть? – но выглядел он совершенно иначе. На сидевшем у окна парне была хорошо отглаженная светло-зеленая рубашка с аккуратно закатанными рукавами; верхняя пуговица расстегнута, придавая облику Джона непринужденный вид. Юноша вольготно откинулся на спинку диванчика, то и дело кивая – очевидно, он внимательно слушал все, что говорила Джессика. О

прежнем Джоне-растрепе напоминали только его торчавшие во все стороны волосы; вдобавок на лице его отчетливо виднелась короткая щетина – этакая щеголеватая замена грязи, в которой он вечно умудрялся вываляться ребенком.

Чарли улыбнулась. В детстве она втюрилась в Джона, правда, в те времена ни он, ни она еще не знали, что это значит. Она вспомнила, как Джон открывал свой чемоданчик для завтрака, украшенный изображениями Трансформеров, и угощал ее печеньем. Однажды в детском саду взял на себя вину, когда Чарли разбила стеклянную банку, в которой хранились разноцветные бусины для творчества. Девочка успела бы поймать банку, но не стала этого делать – хотела посмотреть, как та разобьется. Стеклянная посудина грохнулась о деревянный пол и разлетелась на тысячу кусочков, бусины всех цветов радуги брызнули в разные стороны. Чарли полюбовалась этим прекрасным зрелищем, а потом заплакала. В тот день Джон отправился домой с запиской для родителей, а когда Чарли сказала ему «спасибо», подмигнул и с недетской иронией спросил: «За что?»

После этого Джону было позволено войти в ее комнату. Чарли разрешила мальчику поиграть со Стэнли и Теодором; когда Джон впервые нажимал на кнопки, приводившие игрушки в движение, она наблюдала за ним с тревогой. Мысль, что приятелю могут не понравиться ее любимцы, угнетала Чарли, она подсознательно понимала, что в таком случае Джон упадет в ее глазах. Ведь эти игрушки – члены ее семьи. Однако стоило Джону увидеть единорога и кролика, он пришел в восторг: парень обожал механические игрушки, и за это Чарли его полюбила. Два года спустя она почти позволила ему себя поцеловать, когда они прятались за деревом рядом с мастерской ее отца. А потом случилось это, и все закончилось, по крайней мере, для Чарли.

Девушка встряхнулась, заставляя себя вернуться в настоящее. Еще раз окинув взглядом холеную Джессику, она мысленно представила, как выглядит сама. Фиолетовая футболка, джинсовая куртка, черные джинсы, берцы. Сегодня утром Чарли казалось, что в таком наряде ей будет удобно, но теперь девушка пожалела о своем выборе. «Ты же всегда так одеваешься», – напомнила она себе. Чарли припарковалась и заперла машину на ключ, хотя обычно жители Харрикейна так не поступали, потом вошла в закусочную, чтобы впервые за десять лет встретиться с друзьями.

Царившие в кафешке тепло, шум и свет обрушились на нее, точно приливная волна. На какой-то миг девушка ошеломленно замерла в дверях, но Джессика

заметила ее и громко окликнула. Чарли улыбнулась и зашагала к столику.

– Привет, – неловко поздоровалась она, быстро скользя взглядом по лицам друзей, не глядя им в глаза. Джессика подпрыгнула и, подвинувшись, похлопала по красному, покрытому винилом сиденью рядом с собой.

– Садись сюда, – предложила она. – Я как раз рассказывала Джону и Карлтону про свою гламурную жизнь. – Говоря это, она округлила глаза, всем своим видом демонстрируя самоиронию, и в то же время давая понять, что жизнь у нее и впрямь захватывающая.

– Ты знала, что Джессика живет в Нью-Йорке? – спросил Карлтон.

Казалось, он тщательно подбирает слова и обдумывает, что и как будет говорить.

Джон промолчал, одарив Чарли несколько нервной улыбкой.

Джессика снова возвела глаза к потолку, и Чарли охватило чувство дежавю: она вспомнила, что эта привычка у подружки с детства.

– Карлтон, в Нью-Йорке живут восемь миллионов человек. Не такое уж это достижение, – заявила Джессика.

Карлтон пожал плечами.

– Я-то вообще нигде не был, – сказал он.

– Не знала, что ты до сих пор живешь в этом городе, – заметила Чарли.

– А где еще мне жить? Моя семья проживает тут с 1896 года. – Карлтон понизил голос, явно передразнивая своего отца.

– Это хотя бы правда? – поинтересовалась Чарли.

– Не знаю, – сказал юноша уже своим, нормальным голосом. – Возможно. Два месяца назад отец баллотировался в мэры. То есть выборы-то он проиграл, и все же, кто станет выдвигать свою кандидатуру? – Он состроил рожу. – Клянусь, свалю отсюда, как только мне исполнится восемнадцать.

– Куда отправишься? – спросил Джон, серьезно глядя на Карлтона.

Какой-то миг Карлтон так же серьезно смотрел на него, потом вдруг отвел взгляд и указал куда-то за окно, прищурив один глаз, словно прицеливаясь. Джон приподнял бровь и тоже посмотрел в окно, пытаясь проследить за взглядом Карлтона. Чарли тоже посмотрела. За окном ничего не было. Джон открыл было рот, собираясь что-то сказать, но Карлтон его перебил.

– Или… – проговорил он, плавно указывая куда-то в противоположную сторону.

– Ладно. – Джон, явно озадаченный, почесал в затылке. – То бишь ты готов свалить куда угодно? – хохотнул он.

– А где остальные? – спросила Чарли, выглядывая в окно и оглядывая парковку – не приехал ли еще кто-то?

– Завтра, – ответил Джон.

– Они приезжают завтра утром, – вмешалась Джессика. – Марла привезет с собой младшего брата, представляешь?

– Джейсона? – улыбнулась Чарли. Она запомнила Джейсона в виде огромного конверта из одеял, из которого выглядывало маленькое розовое личико.

– Я хочу сказать, кто в здравом уме потащит с собой младенца? – Джессика с важным видом поправила шляпу.

– Уверена, он уже не младенец, – возразила Чарли со сдавленным смешком.

– Ну, почти младенца, – фыркнула Джессика. – В любом случае, я забронировала нам комнату в мотеле рядом с шоссе. Ничего другого найти не смогла. Мальчики остановятся у Карлтона.

– Хорошо, – кивнула Чарли. То, как ловко Джессика все организовала, ее слегка впечатлило, но сам план ей не понравился. Чарли не хотелось делить комнату с Джессикой, оказавшейся совершеннейшей незнакомкой. Эта новая Джессика ее пугала: лощеная, одетая с иголочки, говорившая так, словно все на свете знает. На миг Чарли задумалась, не переночевать ли в своем старом доме, но тут же отбросила эту идею. Этот дом, особенно ночью, перестал быть обителью живых.

«Не драматизируй», – сердито приказала она себе, и тут заговорил Джон. Все слушали его очень внимательно, вероятно, потому, что говорил он меньше всех, больше слушал. Однако запоминал все сказанное и открывал рот лишь для того, чтобы выдать дельное или саркастическое замечание – или и то и другое сразу.

– Кто-нибудь знает, что будет завтра?

Несколько секунд все молчали, и официантка, воспользовавшись этой паузой, подошла к их столику. Чарли быстро проглядела меню, не особо вчитываясь в названия блюд. Впрочем, ее очередь заказывать подошла скорее, чем она ожидала, и девушка замешкалась.

– М-м-м, мне яичницу, – выдала она наконец. Женщина-официантка по-прежнему сверлила ее тяжелым взглядом, и Чарли поняла, что нужно сказать еще что-то.

– Омлет. И пшеничный тост, – добавила она, после чего официантка наконец отошла от их столика. Чарли снова посмотрела в меню. Она ненавидела эту свою черту характера. Стоило девушке понять, что на нее кто-то смотрит, как она тут же теряла способность нормально разговаривать и осознавать, что происходит вокруг. Казалось, окружающие говорят на иностранном языке и требуют он нее чего-то непонятного. «Неужели так трудно заказать себе ужин?» – подумала она. Остальные уже продолжали прерванный разговор, и Чарли почувствовала себя так, словно про нее все забыли.

– Что же нам сказать его родителям? – говорила Джессика.

– Карлтон, ты их видишь время от времени? – спросила Чарли.

– Скорее нет, – ответил юноша. – Разве что так, мельком.

– Меня удивляет, что они остались в Харрикейне, – продолжала Джессика, добавив в голос ярко выраженные неодобрительные нотки.

Чарли ничего не сказала, только подумала: «Разве они могли отсюда уехать?»

Тело Майкла так и не нашли. Наверняка его родители втайне надеялись, что сын однажды вернется домой, даже если понимали, что это невозможно. Как же они могли покинуть единственный дом, в который мог вернуться Майкл? Это означало бы, что они окончательно отказались от сына. Возможно, эта стипендия станет для родителей Майкла своего рода признанием того, что их сын уже не вернется домой.

Чарли остро осознавала, что они находятся в общественном месте и говорить здесь о Майкле неприлично. В каком-то смысле они все здесь чужие. Да, наверное, они были Майклу ближе, чем все остальные посетители этой закусочной, но в отличие от Карлтона они больше не живут в этом городе. Они уже нездешние.

Чарли увидела, как на ее бумажной салфетке расплываются мокрые пятна, и только тогда поняла, что плачет. Девушка поспешно вытерла слезы, надеясь, что остальные ничего не заметили. Когда она подняла глаза, Джон пристально изучал лежавшую перед ним вилку, но Чарли поняла: он видел. Спасибо, что хоть не сделал попытки ее утешить.

– Джон, а ты по-прежнему пишешь? – спросила она.

Джон объявил себя «автором», когда им было по шесть лет, а писать и читать научился в четыре года, на год раньше остальных друзей. В семь лет он закончил свой первый «роман», заставил всех своих родственников и друзей прочесть сей малограмотный труд, к которому прилагались загадочные иллюстрации, а потом требовал отзывов. Чарли помнила, что поставила ему всего две звезды.

Услышав этот вопрос, Джон рассмеялся.

– Вообще-то теперь я пишу букву «Е» правильно, – фыркнул он. – Поверить не могу, что ты до сих пор об этом помнишь. Но вообще-то, да, пишу. – Он умолк, хотя явно хотел рассказать больше.

– Что ты пишешь? – послушно спросила Чарли, и Джон, опустив взгляд, заговорил, обращаясь по большей части к лежавшей на столе салфетке.

– Э-э-э… В основном короткие рассказы. Вообще-то в прошлом году я даже опубликовал один. Правда, в журнале, так что это мелочь.

Все уважительно заахали, и Джон поднял взгляд, смущенный и польщенный одновременно.

– О чем был рассказ? – спросила Чарли.

Джон помедлил, вероятно, размышляя, рассказывать или нет, но тут вернулась официантка с подносом. Они все заказали блюда из раздела меню, отведенного завтраку: кофе, яичница и бекон; только Карлтон заказал блинчики с черникой. Еда выглядела аппетитно – так и хотелось воскликнуть: «Отличное начало дня!» Чарли откусила кусок от своего тоста, и какое-то время все молча жевали.

– Слушай, Карлтон, – вдруг сказал Джон. – Так что случилось с «Фредди»?

Ответом ему было потрясенное молчание. Карлтон нервно посмотрел на Чарли, Джессика уставилась в потолок. Джон густо покраснел, и Чарли поспешила сказать:

– Все в порядке, Карлтон. Мне бы тоже хотелось это знать.

Карлтон пожал плечами и нервным движением потыкал блинчики вилкой.

– Построили новое здание, – наконец проговорил он.

– И что именно построили? – поинтересовалась Джессика.

– Что там теперь? Здание надстроили или просто снесли? – спросил Джон.

Карлтон снова пожал плечами, быстро, словно страдал от нервного тика.

– Говорю же, не знаю. С дороги не видно, слишком далеко, и я ни у кого не узнавал. Может, сдали кому-то в аренду, а уж что там устроили – понятия не имею. Много лет все было закрыто и велись какие-то работы, так что неясно, стоит ли старое здание.

– Значит, есть вероятность, что оно до сих пор там? – с плохо скрываемым волнением спросила Джессика.

– Как я уже сказал, понятия не имею, – ответил Карлтон.

Чарли вдруг показалось, что освещение в закусочной чересчур яркое и свет режет глаза. Она почувствовала себя выставленной на всеобщее обозрение. Девушка почти ничего не съела, но вдруг поняла, что встает, вытаскивает из кармана несколько смятых банкнот и роняет на стол.

– Я выйду ненадолго, – сказала она. – Покурить, – добавила она поспешно. «Ты же не куришь». Девушка зашагала к двери, распекая себя за эту неуклюжую ложь, протолкалась мимо семейства из четырех человек, даже не извинившись, и наконец шагнула за порог, прямо в объятия холодного вечернего воздуха. Дойдя до машины, она присела на капот, и металл слегка прогнулся под ее весом. Чарли несколько раз глубоко вдохнула холодный воздух – словно воды глотнула – и закрыла глаза. «Ты же знала, что об этом зайдет речь. Ты знала, что придется об этом говорить», – напомнила она себе. По дороге сюда она тренировалась, воскрешала в памяти приятные воспоминания, представляла, как улыбнется и скажет: «А помните?» Чарли казалось, что она к этому готова, и конечно же она ошиблась. Иначе почему она сбежала из закусочной, как ребенок?

– Чарли?

Она открыла глаза и увидела, что рядом с машиной стоит Джон, протягивая ей куртку.

– Ты куртку забыла, – сказал он, и Чарли заставила себя улыбнуться.

– Спасибо, – поблагодарила она. Потом накинула куртку на плечи и подвинулась, давая место Джону.

– Извини за это, – сказала она. На парковке было довольно темно, и все же Чарли увидела, что юноша покраснел до корней волос. Он осторожно присел на капот, не придвигаясь к девушке вплотную.

– Я так и не научился думать, прежде чем что-то сказать. Прости. – Джон посмотрел на пролетающий по небу самолет.

Чарли улыбнулась, на сей раз искренне.

– Все в порядке. Я знала, что эта тема рано или поздно всплывет. Просто… Звучит глупо, но я никогда об этом не думала. Не позволяла себе думать. Кроме моей тети, никто не знает, что произошло, а мы никогда об этом не говорили. Потом я приехала сюда, и вдруг оказалось, что все об этом говорят. Я просто удивилась, только и всего.

– Ой-ой. – Джон указал на кафе, и Чарли увидела, что в дверях закусочной стоят Джессика и Карлтон. Девушка помахала им, и ребята подошли.

– Помните, как-то раз «У Фредди» заклинило карусель, и Марле вместе с тем вредным мальчишкой Билли пришлось на ней кататься до тех пор, пока родители их не сняли? – сказала Чарли.

Джон засмеялся, и, слушая его смех, Чарли невольно улыбнулась.

– Лица у них сделались ярко-красные, и они рыдали, как маленькие. – Она закрыла лицо ладонями, устыдившись своего веселья по такому поводу.

Последовало короткое удивленное молчание, затем Карлтон захихикал.

– А потом Марлу вырвало прямо на Билли!

– Месть сладка! – подхватила Чарли.

– Кажется, это были начос, – добавил Джон.

Джессика сморщила нос.

– Гадость какая. После того случая я ни разу не каталась на той карусели.

– Да брось, Джессика, ее же отмыли, – заметил Карлтон. – Уверен, детишек там и раньше тошнило, не зря же там часто был мокрый пол. Правда, Чарли?

– Не смотри на меня, – фыркнула девушка. – Меня никогда не тошнило.

– Когда-то мы проводили там так много времени! Что ни говори, полезно дружить с дочерью владельца, – сказала Джессика, насмешливо глядя на Чарли.

– Отцов не выбирают! – со смехом возразила Чарли.

Джессика помолчала, будто задумавшись о чем-то, а потом продолжила:

– Я хочу сказать: что может быть лучше для маленькой девочки, чем день-деньской проводить в пиццерии «У Фредди Фазбера»?

– Не знаю, – сказал Карлтон. – Думаю, та музыка приклеилась ко мне на долгие годы. – Он тихонько напел несколько тактов всем им знакомой песенки, и при звуках знакомой мелодии Чарли с головой погрузилась в воспоминания.

– Мне так нравились эти зверюшки, – сказала вдруг Джессика. – Как бы их поточнее назвать? Животные, роботы, талисманы?

– Думаю, все эти определения им подходят. – Чарли откинулась назад.

– Ну, все равно я постоянно приходила и разговаривала с кроликом. Как там его звали?

– Бонни, – подсказала Чарли.

– Ага, кивнула Джессика. – Я вечно жаловалась ему на своих родителей. Мне всегда казалось, что он смотрел на меня с пониманием.

Карлтон рассмеялся.

– Аниматрониковая терапия! Рекомендуется чокнутым людям в возрасте от шести до семи лет.

– Заткнись, – огрызнулась Джессика. – Я знала, что он ненастоящий, мне просто нравилось с ним говорить.

Чарли слегка улыбнулась.

– Помню-помню, – проговорила она. В памяти всплыла милая картина: Джессика, облаченная в одно из своих хорошеньких платьиц, с каштановыми волосами, заплетенными в тугие косички – ни дать ни взять ребенок, сошедший с иллюстрации из старинной книги, – что-то доверительно шепчет кролику-аниматронику ростом со взрослого человека. Девочка терпеливо дожидалась конца представления, после чего шла к сцене, чтобы поделиться с кроликом своими бедами. Сама Чарли никогда не разговаривала с роботами-зверями в отцовской пиццерии и не испытывала к ним какой-то особой симпатии в отличие от некоторых детей; впрочем, они ей нравились, и они принадлежали публике. У Чарли имелись собственные игрушки, дома ее ждали механические друзья, принадлежавшие ей одной.

– Мне нравился Фредди, – сказал Джон. – Он всегда казался мне самым добродушным.

– Знаешь, я мало что помню про свое детство, – пробормотал Карлтон, – но клянусь, что стоит мне зажмуриться, и то место так и стоит перед глазами. Помню все, в мельчайших деталях, даже жвачку, которую прилеплял к столешницам.

– Жвачку? Ага, конечно: уверена, ты и козявки из носа туда лепил. – Джессика слегка отодвинулась от Карлтона.

Тот ослепительно улыбнулся.

– Мне было семь лет, так какой с меня спрос? Вы все дразнили меня в те времена. Помнишь, как Марла накорябала на стене снаружи: «Карлтон воняет немытыми ногами»?

– Вообще-то от тебя именно так и пахло. – Джессика оглушительно расхохоталась.

Карлтон с невозмутимым видом пожал плечами.

– Каждый раз, когда надо было идти домой, я пытался спрятаться: хотел остаться в пиццерии на ночь, чтобы никто не мешал мне веселиться.

– Точно, ты вечно заставлял всех ждать, – подхватил Джон, – и ты всегда прятался под одним и тем же столом.

Тут Чарли заговорила. Она говорила медленно, и все как по команде повернулись к ней, словно только этого и ждали.

– Иногда у меня такое чувство, будто я помню каждый дюйм пиццерии, прямо как Карлтон, – сказала она. – А порой с трудом могу вспомнить, как там все выглядело. Воспоминания отрывочные. Например, я помню карусель и тот случай, когда ее заклинило. Помню, как рисовала на разложенных на столах салфетках. Помню всякие мелочи: как ела масляную пиццу, как летом обнимала Фредди, и вся моя одежда покрывалась ворсинками от его желтого меха. Но большая часть этих воспоминаний словно картинки, как будто это происходило не со мной.

Все посмотрели на нее удивленно.

– Фредди же был коричневым, разве нет? – Джессика глянула на остальных, ища подтверждения своим словам.

– Думаю, ты и впрямь помнишь все не слишком хорошо, – поддразнил Чарли Карлтон, и девушка коротко хохотнула.

– Верно. Я имела в виду – коричневый.

«Коричневый. Разумеется, Фредди был коричневый». Память услужливо подсунула Чарли соответствующий образ. И все же где-то в глубине ее сознания мелькало что-то еще.

Карлтон ударился в воспоминания, принялся рассказывать другую историю, и Чарли попыталась вслушаться в то, что он говорит, но что-то ей мешало, какая-то тревожная мысль мелькала на краю сознания, и девушке никак не удавалось ее ухватить. «Это было десять лет назад, в семнадцать лет еще рановато страдать слабоумием», – подумала Чарли. Все равно что перепутать красный и зеленый сигналы светофора. Краем глаза девушка заметила, что Джон смотрит на нее с таким задумчивым видом, словно она сказала нечто важное.

– Ты действительно не знаешь, что случилось с пиццерией? – спросила она Карлтона, вложив в вопрос больше настойчивости, чем собиралась. Парень умолк и посмотрел на нее удивленно. – Извини, – пробормотала она. – Прости, не хотела тебя прерывать.

– Все нормально, – пожал плечами Карлтон. – Ну да, то есть нет, я правда не знаю, что с ней стало.

– Как вышло, что ты не знаешь? Ты же здесь живешь.

– Чарли, брось, – проговорил Джон.

– Я не часто бываю в той части города. Все изменилось, город разросся, – спокойно пояснил Карлтон. Похоже, внезапная вспышка Чарли его нисколько не смутила. – А специально искать причины, чтобы туда заскочить, мне ни к чему, знаешь ли. С какой стати? У меня больше нет для этого никаких резонов.

– Мы могли бы туда сходить, – внезапно предложил Джон.

Сердце Чарли пропустило удар; Карлтон нервно на нее поглядел.

– Что? Да там же полный кавардак, право слово. Не знаю, можно ли вообще туда пролезть.

Чарли обнаружила, что кивает. Она вдруг почувствовала страшную усталость, словно целый день прожила под грузом воспоминаний, смотрела на окружающую реальность сквозь призму минувших лет, а теперь ее сознание вдруг, как по команде пробудилось. Ей захотелось пойти.

– Давайте сделаем это, – сказала она. – Даже если там ничего не осталось, мне хочется посмотреть.

Несколько секунд все молчали, а потом Джон внезапно улыбнулся с какой-то бесшабашной уверенностью.

– Ага. Давайте сделаем это.

Глава вторая

Чарли остановила машину, ощутив, как мягко подается под колесами грязь, и заглушила мотор. Потом высунулась из окна и огляделась. Небо было насыщенного темно-синего цвета, на западе угасали последние лучи заходящего солнца. Сразу за неасфальтированной парковкой раскинулось, точно спящее чудовище, большое здание – целый акр стекла и бетона. Фонари на парковке имелись, но не работали, – строители так и не успели их подключить. Само здание напоминало покинутое святилище, укрытое за темными деревьями вдали от шума цивилизации. Чарли посмотрела на сидевшую на пассажирском сиденье Джессику – та вытягивала шею, пытаясь выглянуть в окно.

– Это точно то самое место? – спросила Джессика.

Чарли медленно покачала головой, не вполне понимая, на что именно смотрят ее глаза.

– Не знаю, – прошептала она.

Девушка вышла из машины и стояла молча, пока к ней не присоединились Джон и Карлтон.

– Что это такое? – Джон осторожно выбрался из салона и тупо уставился на огромное здание. – У кого-нибудь есть фонарик? – Он по очереди посмотрел на ребят.

Карлтон вытащил связку ключей и поводил по сторонам прикрепленным к ней фонариком в виде авторучки; света фонарик давал всего ничего.

– Отлично, – пробормотал Джон, очевидно, смирившись с судьбой, и зашагал к зданию.

– Погоди-ка секунду, – окликнула его Чарли и подошла к багажнику. – Моя тетя всегда заставляет меня таскать с собой кучу барахла «на всякий случай».

Тетя Джен, добрая, но строгая, учила Чарли всегда полагаться только на себя. Прежде чем Чарли получила свою старенькую синюю «Хонду», девушке пришлось научиться менять покрышки, проверять уровень масла в двигателе, а также узнать, как этот самый двигатель устроен. Так что теперь в багажнике машины помимо запасной покрышки, домкрата и маленькой монтировки лежал еще и черный чемоданчик, а в нем – одеяло, тяжелый полицейский фонарь, бутылка с водой, зерновые батончики, спички и сигнальные ракеты. Чарли взяла фонарь, Карлтон ухватил зерновой батончик.

Словно повинуясь молчаливому согласию, ребята двинулись вдоль здания; Чарли освещала дорогу мощным лучом фонаря. На вид здание казалось почти достроенным, но вокруг него тут и там лежали камни, а перекопанную землю так и не разровняли. Чарли направила луч света себе под ноги, и стало видно, что кое-где растет трава.

– Похоже, работы здесь уже какое-то время не ведутся, – сказала Чарли.

Здание было огромным, и на то, чтобы его обойти, ушло довольно много времени. Скоро темно-синее вечернее небо покрылось, словно серебристым одеялом, туманной дымкой, на которой заблестели звезды. Серые бетонные стены здания оказались одинаково гладкими, а окна в них располагались слишком высоко, и заглянуть в них с земли не представлялось возможным.

– Они что, правда построили эту махину, а потом просто бросили? – спросила Джессика.

– Карлтон, – окликнул приятеля Джон, – ты точно не знаешь, что тут случилось?

Карлтон демонстративно пожал плечами.

– Говорю же, я знал только, что идет строительство, а больше ничего.

– Зачем возводить такую громадину? – Джон так подозрительно косился на деревья, будто ожидал обнаружить за ними притаившихся шпионов. – Идем, идем, а она все не кончается. – Он окинул стену недоверчивым взглядом – казалось, та и впрямь уходит куда-то за горизонт. Затем опять поглядел на деревья, словно проверяя, не проскочили ли они ненароком мимо здания. – Нет, пиццерия была здесь. – Он приложил ладонь к серо-коричневой стене. – А теперь исчезла.

Помедлив пару мгновений, он махнул рукой ребятам, развернулся и пошел обратно. Чарли неохотно последовала за остальными. Какое-то время они шли молча, пока наконец из темноты не проступили очертания их машины.

– Простите, ребята; я надеялся, что тут будет хоть что-то знакомое, – устало проговорил Карлтон.

– Ага, – кивнула Чарли. Она знала, что так все и будет, и все же, не увидев такой привычной пиццерии «У Фредди», испытала почти шок. Пиццерия стала настолько неотъемлемой частью ее самой, что порой девушке хотелось от нее избавиться, выбросить все связанные с ней воспоминания – хорошие и плохие – из головы, так, будто их никогда не существовало. И вот кто-то просто взял и снес пиццерию, стер с лица земли… случившееся казалось вопиющим вторжением в ее жизнь. Это ей следовало решать, что делать с этим зданием. «Верно, – подумала девушка, – потому что у тебя были деньги, чтобы купить его и сохранить, так же как поступила тетя Джен с их домом».

– Чарли? – Джон звал ее по имени и, похоже, повторял его уже не в первый раз.

– Извини, – опомнилась девушка. – О чем вы говорили?

– Хочешь пробраться внутрь? – спросила Джессика.

Удивительно, подумала Чарли, что это предложение поступило лишь сейчас; с другой стороны, ни за кем из них прежде не замечалось предрасположенности

к нарушению закона. Эта мысль слегка ее успокоила, и Чарли, сделав глубокий вдох, выдохнула:

– Почему нет? – Она едва не рассмеялась, взвесив в руке фонарь – руки уже начали уставать. – Никто не хочет подержать? – Она покачала фонариком взад-вперед, как маятником.

Карлтон выхватил у нее фонарь и взвесил в руке.

– Почему он такой тяжелый? – спросил он, передавая фонарь Джону. – На, держи.

– Это полицейский фонарь, – рассеянно ответила Чарли. – Им можно бить людей.

Джессика сморщила нос.

– Я смотрю, с твоей тетей шутки плохи? И как, доводилось пускать его в ход?

– Пока нет. – Чарли подмигнула и шутки ради метнула грозный взгляд на Джона. Тот несмело улыбнулся, явно не понимая, как реагировать.

Широкие входы были закрыты запечатанными металлическими дверями, установленными, несомненно, временно, до тех пор, пока строительство не завершится. И все же проникнуть внутрь оказалось нетрудно, потому что у стен громоздились многочисленные груды гравия и песка, доходившие до больших открытых окон.

– Я смотрю, строители не заморачивались вопросами безопасности: заходи, кто хочешь, – заметил Джон.

– А что там воровать? – возразила Чарли, рассматривая гладкие, казавшиеся неприступными стены.

Ребята медленно взобрались по насыпям, стараясь двигаться осторожно: гравий под ногами осыпался. Карлтон первым добрался до окна и заглянул внутрь. Джессика, вытянув шею, посмотрела поверх его плеча.

– Спрыгнуть можно? – спросил Джон.

– Да, – ответил Карлтон.

– Нет, – одновременно с ним сказала Джессика.

– Я пойду, – решилась Чарли. Сейчас ей море было по колено. Даже не поглядев, высоко прыгать или нет, она перекинула ноги через подоконник, оттолкнулась и полетела вниз. Приземлившись, она пригнулась, спружинив коленями, но больно не было. Девушка посмотрела вверх, на следивших за нею друзей. – Ой! Подождите! – окликнула она их. Затем подвинула к окну стоявшую у стены приставную лестницу. – Порядок, давайте сюда!

Ребята один за другим спустились с подоконника и принялись озираться.

Внутри раскинулся атриум, а может, в этом пространстве планировалось устроить ресторанный дворик: тут и там стояли металлические скамьи и пластиковые столы, некоторые были привинчены к полу. Потолок терялся высоко вверху, и сквозь застекленную крышу можно было различить сияющие на небе звезды.

– Вполне постапокалиптическая картина, – пошутила Чарли, и ее голос породил в огромном пространстве звонкое эхо.

Джессика вдруг пропела короткую гамму: «А-а-а», и все потрясенно замолчали, – ее чистый, звонкий голос очень красиво прозвучал в огромном пустом пространстве.

– Очень мило, и все же давайте не будем привлекать к себе лишнее внимание, – заметил Джон.

– Верно, – согласилась Джессика, явно очень довольная собой. Ребята зашагали по атриуму, и Карлтон, придвинувшись ближе к Джессике, взял ее за руку.

– У тебя потрясающий голос, – пробормотал он.

– Просто здесь хорошая акустика, – с деланой скромностью ответила девушка.

Они шли по пустым залам, заглядывая в огромные проемы в полу, ведущие в подвальный этаж – там, наверное, собирались устроить склады. В некоторых частях комплекса отделочные работы почти закончили, а в других даже не начинали. В одних коридорах громоздились штабеля кирпича и досок; в других уже застеклили витрины магазинов и повесили ряды лампочек.

– Словно город-призрак, – проговорил Джон.

– Прямо как Помпеи, – поддакнула Джессика, – только без вулкана.

– Нет, – вмешалась Чарли, – здесь же ничего нет. Торговый комплекс не успели заполнить товарами, люди его не покидали – здесь никогда не кипела жизнь.

Чарли посмотрела в пустую витрину, одну из немногих застекленных, гадая, чем здесь собирались торговать. Она представила, что в витрине стоят манекены, одетые в яркую одежду, но в ее воображении возникали лишь ничего не выражающие лица-маски. Девушка вдруг почувствовала себя лишней здесь, словно это здание ей не радо. В душе начала расти тревога, погасшая было пред лицом захватывающего приключения. Они пришли и увидели, что пиццерия «У Фредди» исчезла, как и созданный ее воображением склеп, в котором Чарли могла бы снова увидеть Майкла, играющего на том самом месте, где она видела его в последний раз.

Джон резко остановился и очень осторожно поводил по сторонам фонарем, потом приложил палец к губам, призывая к тишине, и указал в ту сторону, откуда они пришли. Вдали ребята увидели мерцающий во тьме огонек, точно сигнальный огонь корабля, попавшего в густой туман.

– Здесь есть еще кто-то, – прошипел Джон.

– Возможно, это ночной сторож? – прошептал Карлтон.

– Какой смысл охранять покинутое здание? – поразилась Чарли.

– Возможно, сюда приходят потусоваться детишки, – предположил Карлтон и улыбнулся во все тридцать два зуба. – Если бы я раньше знал про это место и любил устраивать вечеринки, точно пришел бы.

– Ладно, давайте потихоньку продвигаться обратно, – предложил Джон. – Джессика… – обратился он к девушке, после чего резко провел щепотью по губам, словно закрывая застежку-молнию.

Ребята двинулись дальше по коридору, на сей раз подсвечивая себе только маломощным фонариком-ручкой Карлтона.

– Подождите, – прошептала Джессика, останавливаясь и внимательно глядя на стены. – Что-то не так.

– Ага, нет гигантских кренделькoв с солью, я знаю, – очень серьезно ответил Карлтон. Джессика нетерпеливо замахала на него рукой.

– Нет, что-то не так с архитектурой. – Девушка сделала несколько шагов назад, пытаясь подобрать подходящее слово. – Что-то определенно не так, – повторила она. – Снаружи здание больше.

– Снаружи здание больше? – озадаченно повторила Чарли.

– Я хочу сказать, есть большая разница между тем, где стоят внутренние и внешние стены. Смотри. – Джессика пробежала вдоль стены мимо пространства, где должны были бы разместиться два магазина.

– Вот тут и тут сделали бы еще два магазина, – озвучил очевидное Джон, не понимая, в чем загвоздка.

– Но в середине что-то есть! – воскликнула Джессика, хлопая ладонью по стене. – Эта часть здания выходит на парковку, как магазины справа и слева, но входа туда нет.

– Ты права. – Чарли пошла к Джессике, внимательно рассматривая стены. – Тут должен быть еще один вход.

– И… – Джессика понизила голос, так чтобы ее могла слышать только Чарли… это пространство примерно такого размера, как пиццерия «У Фредди», не находишь?

Чарли вытаращила глаза и отшатнулась от приятельницы.

– О чем вы там шепчетесь? – к ним подошел Карлтон.

– О тебе говорим, – отрезала Джессика, и все вместе они вошли в один из пустых магазинов, между которыми оказалось зажато загадочное помещение без входа. – Давайте-ка осмотрим тут все, – предложила она.

Ребята сгрудились вокруг маленького пятна света и стали осматривать стены.

Чарли не до конца понимала, на что надеется. Тетя Джен не одобряла ее намерения вернуться. Она не стала напрямую возражать против решения Чарли посетить памятную церемонию, но была очень недовольна, услышав, что девушка едет в Харрикейн.

«Просто будь осторожна, – сказала тогда тетя Джен. – Некоторые вещи и воспоминания лучше не тревожить». «Ты поэтому не продаешь папин дом? – подумала Чарли. – И до сих пор платишь за него, оставив все внутри нетронутым, будто это гробница, но никогда туда не приезжаешь?»

– Эй! – В магазин, отчаянно жестикулируя, вбежал Джон. – Прячьтесь!

В коридоре снова замигал огонек, теперь он приближался. Чарли быстро огляделась. Они уже зашли слишком далеко в огромный магазин и выбраться вовремя не успеют, а прятаться тут негде.

– Сюда, сюда! – прошептала Джессика. В стене за строительными лесами темнел пролом, и ребята поспешно полезли в него, протискиваясь между штабелями открытых ящиков и свернутыми в рулоны натяжными потолками.

Они пролезли по узкому импровизированному коридору и выбрались с другой стороны магазина, оказавшись в некоем подобии узкого переулка. Здесь в отличие от остальных помещений комплекса было влажно и пахло плесенью. Одна стена, из пролома в которой вылезли ребята, была определенно новой, бетонной, правда, шершавой и необработанной; зато противоположная оказалась сложена из кирпича, местами отполированного временем, местами раскрошившегося, так что в кладке зияли щели и дыры. У стены стояли

массивные деревянные стеллажи с моечно-очистительным оборудованием, полки прогибались под весом старых ведер с краской и таинственными бадьями. Сверху что-то капало из ничем не прикрытых труб, так что на полу собрались лужи, которые ребята осторожно обходили. Мимо прошмыгнула мышь, едва не пробежав прямо по ноге Карлтона. Юноша издал приглушенный звук, поспешно зажав рот ладонью.

Ребята притаились за одним из деревянных стеллажей, прижались к стене. Чарли погасила свет и стала ждать.

Она едва дышала, стараясь не производить ни малейшего шума, жалея, что не успела встать поудобнее. Через несколько минут у нее затекли ноги, а Карлтон стоял так близко, что девушка чувствовала легкий, приятный запах его шампуня.

– Приятно, – прошептала она.

– Спасибо, – ответил Карлтон, сразу поняв, что Чарли имеет в виду. – Это «Океанский бриз» и «Тропический рай». Я предпочитаю «Океанский бриз», но он сушит кожу головы.

– Тс-с-с! – прошипел Джон.

Чарли не понимала, что ее так сильно тревожит. Подумаешь, ночной сторож; в худшем случае их попросят уйти, ну, может, накричат. Однако девушку не покидало растущее чувство надвигающейся беды.

Покачивающийся огонек приближался. Чарли замерла, стараясь не двинуть и мускулом. Вдруг она различила худощавую фигуру: сторож подошел к пролому и, наклонившись, посветил внутрь фонариком. «Он нас заметил», – подумала Чарли, но сторож вдруг развернулся и ушел, вероятно, удовлетворенный осмотром.

Ребята подождали еще несколько минут, но все было тихо. Ушел. Наконец-то все медленно распрямились, наслаждаясь возможностью потянуться и размять затекшие руки и ноги. Карлтон долго энергично тряс ногой, пока не обрел возможность нормально стоять. Чарли посмотрела на застывшую Джессику: та неподвижно сидела на корточках, как будто время для нее остановилось.

– Джессика, с тобой все в порядке? – прошептала она.

Джессика подняла голову, на лице ее сияла улыбка.

– Ты не поверишь.

Она указала на стену, и Чарли наклонилась посмотреть, что там такое. Почти у самого пола на потертом кирпиче темнели коряво выведенные неуверенной рукой слова:

Карлтон воняет немытыми ногами.

– Да вы шутите, – прошептал Джон с благоговением в голосе. Он повернулся к стене и положил на нее ладони, потом засмеялся. – Это те самые кирпичи! – Улыбка на его лице сделалась еще шире. – Они не снесли пиццерию, просто построили комплекс вокруг нее.

– Она все еще здесь! – Джессика безуспешно пыталась понизить голос. – Где-то здесь должен быть вход, – добавила она, глядя на друзей широко распахнутыми глазами, полными почти детского восторга.

Чарли включила фонарик и поводила лучом света по стенам, но не увидела ни пролома, ни двери.

– В пиццерии «У Фредди» был черный ход, – вспомнил Джон. – Марла написала это на стене рядом с черным ходом, верно?

– Почему пиццерию просто не снесли? – задумчиво проговорила Чарли.

– Неужели этот коридор ведет в никуда? – озадаченно спросила Джессика.

– Это история моей жизни, – радостно прошептал Карлтон.

– Подождите… – Чарли провела пальцами по полке деревянного стеллажа, пытаясь рассмотреть стену за наваленным на полке хламом.

Стена за стеллажом выглядела по-другому; она была не кирпичная, а металлическая.

– Это здесь. – Девушка шагнула назад и посмотрела на остальных. – Помогите отодвинуть.

Джон и Джессика налегли на стеллаж с одной стороны, а Чарли и Карлтон потянули с другой. Стеллаж, нагруженный моечно-очистительным оборудованием и большими ведрами с гвоздями и инструментами, оказался страшно тяжелым, однако ребята довольно легко сумели отодвинуть его от стены.

Джессика сделала шаг назад, тяжело переводя дыхание.

– Джон, дай-ка мне еще раз большой фонарь. – Юноша выполнил ее просьбу, и Джессика направила луч света на стену, от которой они отодвинули стеллаж. – Вот она, – объявила девушка.

Металлическая дверь изрядно проржавела, ее покрывали брызги краски, и поэтому она сразу выделялась на фоне стены. Там, где некогда была дверная ручка, теперь зияла дыра: наверное, ее открутили, чтобы стеллаж плотно прилегал к стене.

Чарли молча передала фонарь Джону, и тот стал светить поверх головы девушки, чтобы той было лучше видно. Чарли протиснулась мимо приятелей и, просунув пальцы в отверстие, где прежде находилась ручка, потянула дверь на себя, без особого успеха.

– Не открывается, – сообщила она ребятам.

Джон, рассматривавший отверстие поверх плеча Чарли, сказал:

– Ну-ка, погоди. – Он протиснулся к двери и, встав рядом с Чарли, осторожно опустился на колени. – Думаю, дверь не заперта, – пробормотал он. – Наверное, просто проржавела. Посмотри сюда.

Нижний край двери, очень неровный, вплотную прилегал к полу. Петли находились с другой стороны, и их края тоже покрывала ржавчина. Похоже, дверь не открывали много лет. Джон и Карлтон вместе ухватились за створку, потянули, и та сдвинулась на какую-то долю дюйма.

– Да! – воскликнула, почти выкрикнула Джессика, и тут же поспешно прикрыла рот ладонью. – Извините, – прошептала она. – Постараюсь сдерживать восторг.

Ребята по очереди тянули дверь на себя, царапая пальцы о металл. Дверь долго не поддавалась, затем наконец уступила и медленно, с жутким скрипом открылась. Чарли нервно обернулась через плечо, но охранник не появился. Створка приоткрылась примерно на фут, и ребятам пришлось протискиваться внутрь по одному.

Внутри атмосфера была совсем другой, и все резко остановились: они стояли в начале знакомого темного коридора.

– Неужели это?.. – прошептала Джессика, всматриваясь в темноту.

«Это здесь», – подумала Чарли. Она протянула руку Джону, и тот, не говоря ни слова, передал ей фонарь. Девушка направила луч света вперед, выхватив из темноты стены, покрытые детскими рисунками – фигурки и сценки, сделанные карандашом на пожелтевших от времени листках бумаги. Чарли зашагала по коридору, и остальные последовали за ней, шаркая по старому плиточному полу.

Казалось, у них ушла целая вечность, чтобы пройти по коридору, а может, они просто медленно шли, то и дело нарочно останавливаясь. В конце концов коридор закончился, и ребята оказались в большом обеденном зале. Здесь все осталось по-прежнему, в точности, как им помнилось. Свет фонаря прыгал по тысяче отражавших свет, блестящих или покрытых ленточками фольги вещиц.

Столы по-прежнему стояли на своих местах, накрытые скатертями в серебристо-белую клетку; стулья вокруг столов были расставлены бессистемно: где-то по два, а где-то – по восемь. Складывалось впечатление, что помещение покинули в разгар обеда: посетители вышли, рассчитывая вскоре вернуться, но этого не произошло. Ребята осторожно вошли в зал, вдыхая холодный, застоявшийся воздух, запертый здесь на целое десятилетие. Пиццерия выглядела покинутой – люди так сюда и не вернулись. В дальнем углу проступали едва различимые в

темноте очертания маленькой карусели, четыре установленные на ней пони, маленькие, чтобы подходили малышам; пони навечно замерли с тех пор, как в последний раз играла их веселая песенка. На миг Чарли приросла к месту, остальные тоже застыли.

Они тоже здесь. Безмолвно таращатся из темноты, высокие и безжизненные. Девушку вдруг охватила необъяснимая паника; время словно остановилось. Никто не произнес ни слова, ребята, затаив дыхание, смотрели на них, оцепенев, как жертва перед хищником. Однако мгновения перетекали в минуты, и страх прошел; Чарли снова ощутила себя ребенком, встретившим добрых старых друзей после долгой разлуки. Девушка пошла туда, где поблескивали в темноте несколько пар стеклянных глаз. Остальные ребята замерли позади, в повисшей тишине слышался лишь звук шагов Чарли. Проходя мимо одного из стульев, она провела рукой по его холодной спинке. Девушка сделала последний шаг, и поблескивающие в темноте глаза стали отчетливо видны. Это они. Чарли улыбнулась.

– Привет! – прошептала она так тихо, чтобы не услышали приятели.

Перед ней стояли три зверя-аниматроника: медведь, кролик и курица, все ростом со взрослого человека, а может, чуть повыше. Их тела состояли из сегментов, как у деревянных человечков на шарнирах, которых используют на уроках рисования: каждая конечность состояла из отдельных, похожих на прямоугольные бруски деталей, крепящихся на шарнирах. Аниматроники принадлежали пиццерии, а может, это пиццерия им принадлежала, и в былые времена все знали их по именам. Кролик Бонни. У него был ярко-синий мех, квадратная морда застыла в неизменной улыбке, глаза с розовыми радужками полуприкрыты веками, что придавало ему выражение бесконечной усталости. Уши кролика стояли торчком, но их верхние сегменты были слегка опущены, большие ноги расставлены на ширине плеч, для пущей устойчивости. В синих лапах Бонни держал красную гитару – казалось, его пальцы вот-вот начнут перебирать отсутствующие струны; на шее кролика алел галстук-бабочка – под цвет гитары.

Более грузная курица Чика казалась чем-то встревоженной; над ее фиолетовыми глазами выгибались густые черные брови, клюв приоткрыт, демонстрируя зубы; в лапах она держала поднос с маленьким кексом. Сам кекс выглядел немного пугающе: с его розовой глазури таращились два глаза, а из-под глазури выглядывали острые зубы; кекс был украшен единственной свечкой.

– Я всегда ждал, что кекс вот-вот спрыгнет с тарелки. – Карлтон тихо хохотнул и подошел к Чарли. – А они выше, чем я помню, – добавил он шепотом.

– Это потому, что в детстве ты никогда не подходил к ним так близко. – Чарли расслабилась, улыбнулась и подошла еще ближе.

– Ты вечно прятался под столами, – фыркнула позади них Джессика, не спеша приближаться.

На шее Чики красовался детский слюнявчик с надписью «Давайте есть!»: желтые буквы, обведенные фиолетовым контуром, и все это на фоне разноцветных конфетти. На макушке у Чики торчал хохолок из перьев.

Между Бонни и Чикой стоял сам медведь Фредди Фазбер, тезка пиццерии. Он выглядел самым благодушным из всех аниматроников, и имел вид существа, пребывающего в полной гармонии с окружающим миром. Крепко сбитый, покрытый коричневым мехом, он улыбался зрителям, держа в одной лапе микрофон; Фредди щеголял черным галстуком-бабочкой, а на голове носил цилиндр. Если и было в его облике что-то странное и неуместное, так это ярко-голубые глаза: у настоящих медведей таких не бывает. Рот у Фредди был приоткрыт, а глаза слегка прикрыты, словно он застыл, исполняя песню.

Карлтон подошел совсем близко, так что его колени коснулись края сцены.

– Привет, Фредди, – прошептал он. – Давно не виделись.

Потом протянул руку, ухватил зажатый в лапе медведя микрофон, и подергал, проверяя, можно ли его вытащить.

– Не надо! – выпалила Чарли и посмотрела в стеклянные глаза Фредди, словно проверяя, не заметил ли медведь посягательства на его собственность.

Карлтон быстро отдернул руку, словно обжегшись.

– Извини.

– Идемте, – предложил Джон с веселой улыбкой. – Неужто вам не хочется все здесь осмотреть?

Ребята разбрелись по залу; они заглядывали в углы и пробовали открыть двери, действуя так осторожно, будто пиццерия того и гляди развалится от легкого прикосновения. Джон подошел к карусели, а Карлтон направился к игровым автоматам и исчез в темноте.

– Помнится, раньше здесь было намного светлее, к тому же довольно шумно. – Карлтон улыбнулся с видом человека, вернувшегося домой, и провел ладонью по старым шарообразным рукояткам джойстиков и пластиковым кнопкам. – Интересно, сохранились ли здесь мои рекорды, – пробормотал он себе под нос.

Слева от сцены начинался небольшой коридорчик. Чарли молча пошла по нему, отчасти надеясь, что никто не заметит, куда она направилась; впрочем, остальные действительно так увлеклись осмотром пиццерии, что ни на что больше не обращали внимания. В конце короткого коридора находился офис ее отца; когда-то это было самое любимое место Чарли во всем ресторанчике. Конечно, ей нравилось играть с друзьями в главном зале, но она просто обожала смотреть, как отец занимается бумажной работой. У закрытой двери она помедлила, сжав дверную ручку; на нее нахлынули воспоминания. Большую часть конторки занимали рабочий стол, шкафы с документами и коробочки, набитые непригодившимися деталями. В одном углу стоял шкаф поменьше, выкрашенный в лососевый цвет, хотя Чарли всегда утверждала, что это самый настоящий розовый. Этот шкафчик принадлежал Чарли. В нижнем ящике лежали игрушки и карандаши, а в верхнем она хранила «свои документы» – ей нравилось, как это звучит. В основном это были книжки-раскраски и альбомы для рисования, но время от времени девочка усаживалась за отцовский стол и, зажав в пальчиках карандаш, пыталась копировать то, что записывал отец. Чарли подергала ручку, но дверь оказалась заперта. «Так будет лучше», – подумала она. Рабочий кабинет – это личное пространство, и в глубине души Чарли не хотела открывать его сегодня ночью.

Девушка вернулась в главный зал и увидела, что Джон с задумчивым видом рассматривает карусель. Юноша поглядел на нее с любопытством, но не стал спрашивать, куда она уходила.

– Когда-то я обожала эту штуку. – Чарли тепло улыбнулась и тоже подошла к карусели, хотя теперь разрисованные лошадки казались ей странными и

безжизненными.

Джон поморщился, как будто угадав мысли девушки, и сказал:

– Не то. – Юноша провел ладонью по гладкой шее пони – так обычно чешут за ухом настоящих животных. – Все не то, – повторил он, убирая руку и глядя куда-то за спину Чарли. Девушка обернулась и, проследив за его взглядом, увидела, что Джессика и Карлтон бродят между игровыми автоматами.

Неподвижные, неосвещенные автоматы с погашенными экранами напоминали огромные надгробия.

– Никогда не любила играть в эти игры, – с улыбкой сказала Джессика. – Персонажи в них двигались слишком быстро, пока я успевала сообразить, что надо делать, меня уже убивали, и приходилось уступать очередь следующему желающему поиграть. – Она подвигала джойстик, и тот недовольно скрипнул.

– И все равно мы мухлевали, – проговорил Карлтон и подмигнул.

– Когда ты в последний раз играл на этих штуках? – Джессика вглядывалась в один из экранов, пытаясь рассмотреть, какое изображение отпечаталось на нем за долгие годы использования. Карлтон не ответил: он увлеченно раскачивал автомат для игры в пинбол, пытаясь заставить шар катиться в лузу.

– Эх, время от времени я захожу в одну пиццерию. – Он осторожно поставил стол на все четыре ножки, посмотрел на Джессику и добавил: – Но там все не так, как «У Фредди».

Джон снова бродил по залу, щелкая по висевшим над столами звездам и серпантину. Ухватив со стола красный праздничный колпак, юноша натянул прикрепленную к картонному краю резинку и нахлобучил колпак на голову; приклеенные к колпаку красные и белые кисточки свисали по обеим сторонам его лица.

– О, давайте осмотрим кухню! – предложил он и вприпрыжку помчался к двери. Чарли последовала за ним.

В детстве ее друзьям не разрешали заходить в кухню, а вот она проводила там много времени, так много, что повара выгоняли ее, называя по имени, которое услышали от ее отца: «Шарлотта». Как-то раз Джон подслушал, как кто-то назвал ее так, и принялся при каждом удобном случае дразнить ее этим именем. Ему почти всегда удавалось вывести девочку из себя. Не то чтобы Чарли не любила свое полное имя, но для всего мира она была «Чарли». Только отец называл ее «Шарлотта», и это было что-то вроде их общего секрета, в который они больше никого не посвящали. В день, когда она навсегда покидала Харрикейн, они с Джоном прощались, и мальчик слегка замешкался.

– Пока, Чарли, – сказал он наконец. В открытках, письмах и телефонных разговорах он больше ни разу не назвал ее «Шарлоттой». Она не спрашивала почему, а сам он ни разу об этом не заговорил.

В кухне по-прежнему находилось огромное количество кастрюль и сковородок, но Чарли не проявила к ним особого интереса, полностью погрузившись в воспоминания. Поглядев по сторонам, она направилась обратно в зал, и Джон последовал за ней. В то же время Джессика и Карлтон вышли из закутка с игровыми автоматами, и, натыкаясь друг на друга в темноте, присоединились к друзьям.

– Нашел что-то интересное? – спросил Джон.

– Кхм, обертку от жвачки, тридцать центов и Джессику, так что нет, ничего интересного, – ответил Карлтон. Джессика игриво пихнула его в плечо.

– О, неужели мы все забыли? – Она злорадно улыбнулась и махнула рукой, указывая в противоположный конец зала: там находился вход в еще один коридор. В следующий миг девушка уже шла туда, и ребята, не успев ничего ответить, зашагали следом. Коридор был длинный, узкий, и, казалось, с каждым шагом свет фонаря все угасает и угасает. Наконец коридор вывел их в маленькую комнату для частных вечеринок, в которой стояли столы и стулья. Войдя, ребята разом ахнули: прямо перед ними возвышалась маленькая сцена с задернутым занавесом. Перед сценой висела табличка, на которой аккуратными буквами было выведено от руки: «НЕИСПРАВНО». С минуту ребята стояли молча, затем Джессика сделала несколько шагов вперед и потыкала табличку пальчиком.

– «Пиратская бухта», – проговорила она. – Десять лет прошло, а он до сих пор не работает.

«Не трогай», – подумала Чарли.

– Я как-то раз праздновал здесь день рождения, – сказал Джон. – И в тот раз он тоже не работал. – Он ухватил край занавеса и пощупал блестящую ткань.

«Нет», – снова хотела было сказать Чарли, но промолчала. «Не глупи», – выругала она себя.

– Думаете, он до сих пор здесь? – игриво поинтересовалась Джессика, явно примеряясь отдернуть занавес одним рывком.

– Я в этом уверен. – Джон принужденно улыбнулся. Впервые за вечер у юноши сделался такой вид, словно ему не по себе.

«Да, он до сих пор здесь», – подумала Чарли. Она осторожно шагнула назад, заметив вдруг висевшие на стенах рисунки и плакаты – они окружали ребят, точно пауки. Чарли медленно водила фонарем, и его свет одну за другой выхватывал из темноты картинки; на всех был изображен один и тот же персонаж: здоровенный и сильный лис-пират с повязкой на глазу и крюком вместо кисти правой руки – в былые времена он размахивал им, разнося пиццу голодным детишкам.

– В этой комнате только ты пряталась под столами, – сказала Джессика, обращаясь к Чарли. Потом попыталась рассмеяться. – Но теперь ты большая девочка, верно? – Джессика взобралась на сцену, широко разведя руки в стороны для равновесия, и все равно чуть не упала. Джон протянул руку и успел поддержать девушку, та нервно хихикнула, поглядела на остальных, будто ожидая подсказки, что делать дальше, потом ухватилась за украшенный кисточками край занавеса и тут же замахала ладонью перед лицом, разгоняя посыпавшуюся с ткани пыль.

– Может, это не очень хорошая идея? – засмеялась она, но в ее голосе не было прежнего задора, как будто она и впрямь имеет в виду то, о чем говорит. Казалось, она вот-вот спрыгнет со сцены, но в следующий миг девушка снова схватилась за занавес.

– Подождите, – сказал Джон. – Слышите музыку?

Все тут же замолчали, прислушиваясь, и в установившейся тишине Чарли услышала звук их дыхания. Джон дышал размеренно и спокойно, Джессика – быстро и нервно. Стоило ей подумать об этом, как собственные вдохи-выдохи показались ей странными, словно она вдруг забыла, как правильно дышать.

– Ничего не слышу, – проговорила она.

– Я тоже, – эхом откликнулась Джессика. – А что такое?

– Музыка. Она раздается из… – Джон указал туда, откуда они пришли.

– Из-за сцены? – Чарли склонила голову на-бок. – Я не слышу.

– Как будто играет музыкальная шкатулка, – продолжал юноша. Чарли и Джессика снова прислушались, но выражение недоумения не исчезло с их лиц. – А теперь, кажется, умолкла. – Джон снова повернулся к сцене.

– Может, это был фургончик с мороженым, – прошептала Джессика.

– Ха, от мороженого я бы сейчас не отказался, – беззаботно проговорил Джон.

Джессика опять повернулась к занавесу, но тут Джон принялся напевать себе под нос какой-то мотивчик. – Это мне что-то такое напоминает, – пробормотал он.

– Ну ладно, я открываю! – объявила Джессика, но не двинулась с места.

Чарли обнаружила, что не может отвести взгляд от руки Джессики, сжимающей занавес; ее накрашенные розовым лаком ногти казались бледными на фоне темной, поблескивающей ткани. Так замирает зрительский зал в театре, когда выключается свет, а занавес еще не поднят. Все застыли в ожидании, но сейчас они не смотрели представление и не веселились. Лицо Джессики больше не озарялось весельем, ее скулы словно заострились в полумраке, а глаза смотрели мрачно, как будто то, что она собиралась сделать, будет иметь ужасные

последствия. Пока Джессика медлила, Чарли вдруг поняла, что ей больно: она так сильно сжала пальцы, что ногти глубоко впились в ладони, однако девушка не могла заставить себя разжать кулак.

С той стороны, откуда они пришли, вдруг раздался грохот, какой-то жуткий лязг и бряцанье, заполнившие, казалось, всю пиццерию. Джон и Чарли замерли, потом переглянулись, у обоих в глазах мелькнула паника; Джессика спрыгнула со сцены, врезалась в Чарли, выбив у нее из рук фонарь.

– Где выход?! – воскликнула она, и Джон поспешил ей на помощь. Вдвоем они принялись лихорадочно ощупывать стены, а Чарли бросилась за отлетевшим в сторону фонариком. Едва они втроем вскочили на ноги, вбежал Карлтон.

– Я уронил несколько кастрюль в кухне! – воскликнул он извиняющимся тоном.

– Я думала, ты был с нами, – сказала Чарли.

– Хотел посмотреть, не осталось ли в кухне еды! – пробормотал Карлтон, не уточняя, чем увенчались его поиски.

– Ты шутишь? – хохотнул Джон.

– Тот охранник наверняка услышал шум, – с тревогой проговорила Джессика. – Нужно уходить отсюда.

Ребята разом посмотрели на дверь, а в следующий миг Джессика сорвалась с места. Остальные побежали за ней, все набирая скорость, словно по пятам за ними кто-то гнался.

– Бежим, бежим! – подгонял друзей Джон, и все принялись хихикать, делая вид, что напуганы, но понимая, что и впрямь нужно поторопиться.

Один за другим они протиснулись в дверь, после чего Карлтон и Джон вместе налегли на нее и закрыли, все с тем же жутким скрипом. Наконец все вместе они ухватились за стеллаж, передвинули его на место, а также поставили на прежние места банки с краской, чтобы все выглядело как раньше.

– Хорошо смотрится? – спросила Джессика, и Джон, схватив ее за руку, потащил прочь.

Стараясь двигаться тихо, ребята быстро двинулись в обратный путь по пустым коридорам, подсвечивая себе фонариком-ручкой Карлтона, добрались до просторного атриума и вернулись на парковку. На этот раз они не видели свет от фонаря охранника.

– Я слегка разочарован, – недовольно заявил Карлтон, в очередной раз оглядываясь посмотреть, не гонятся ли за ними.

– Шутишь? – поразилась Чарли, подбегая к машине и на ходу вытаскивая из кармана ключи. Девушку не покидало странное чувство, будто нечто запертое внутри ее только что потревожили, и теперь она не знала, к добру это или к худу.

– Было весело! – воскликнул Джон.

Джессика рассмеялась и завопила:

– Было жутко!

– И то, и другое, – добавил Карлтон, широко улыбаясь. Чарли тоже засмеялась, и Джон последовал ее примеру.

– Что? – нахмурилась Джессика.

Чарли покачала головой, все еще тихо посмеиваясь.

– Просто… Мы остались такими же, как прежде. Я хочу сказать, мы очень сильно изменились, выросли, и все такое прочее, но мы остались прежними. Вы с Карлтоном рассуждаете в точности как в те времена, когда вам было по шесть лет.

– Ну конечно, – фыркнула Джессика, округляя глаза, однако Джон кивнул.

– Я знаю, что ты имеешь в виду, – проговорил он. – И Джессика это понимает, просто не хочет признать. – Он посмотрел на торговый центр. – Вы все уверены, что сторож нас не видел?

– Теперь мы можем от него сбежать, – резонно заявил Карлтон, похлопывая по капоту машины.

– Пожалуй, – согласился Джон, но в его голосе не слышалось особой уверенности.

– Ты, знаешь ли, тоже ни капельки не изменился, – с довольным видом припечатала Джессика. – Перестань искать проблемы там, где их нет.

– И все же, – гнул свое Джон, снова посматривая на торговый центр. – Лучше нам поскорее убраться отсюда. Не стоит испытывать судьбу.

– Ну что, увидимся завтра? – сказала Джессика, когда они расставались.

Карлтон, не оборачиваясь, махнул рукой на прощание.

У Чарли на миг замерло сердце, когда Джессика уселась на пассажирское сиденье и тщательно пристегнулась. Оставаться с Джессикой один на один не хотелось. Не то чтобы Чарли не любила подружку, просто наедине с ней чувствовала себя не в своей тарелке. Джессика по-прежнему оставалась для нее незнакомкой. И все же сейчас Чарли переполняло веселье после безумного ночного приключения, адреналин еще бурлил в крови, и это придало девушке уверенности. Она улыбнулась Джессике. Сегодняшнее происшествие показало, что у них очень много общего.

– Ты знаешь, в какой стороне мотель? – спросила она. Джессика кивнула и, нагнувшись, вытащила из-под сиденья свою сумку – маленькую, черную, на длинном ремешке. Пока они ехали к стройплощадке, Чарли успела заметить, как Джессика извлекает из сумки помаду, зеркальце, пачку жевательной резинки, карманный набор принадлежностей для шитья и маленькую расческу. Теперь же девушка достала блокнотик и ручку. Чарли улыбнулась.

– Извини, но сколько же у тебя там вещей? – спросила она.

Джессика в ответ широко улыбнулась.

– Секреты сумочки обнародованию не подлежат, – шутливо ответила она, и девушки рассмеялись. Поглядывая в блокнот, Джессика принялась давать указания, куда ехать, и Чарли послушно поворачивала то направо, но налево, не стараясь запомнить дорогу.

Джессика уже зарегистрировалась, поэтому девушки направились прямо в номер, комнатушку с бежевыми стенами, в которой стояли две покрытые коричневыми покрывалами кровати. Чарли поставила сумки на ближайшую к двери кровать, а Джессика подошла к окну.

– Как видишь, я потратилась на комнату с видом, – провозгласила она и театральным жестом раздернула занавески. За окном виднелись два мусорных контейнера и засохшая живая изгородь. – Свою свадьбу непременно устрою здесь.

– Точно, – фыркнула Чарли. За чопорными манерами и модельной внешностью Джессики скрывался недюжинный ум. Чарли вспомнила, что ребенком слегка побаивалась Джессику всякий раз, когда они начинали играть вместе, однако уже через несколько минут понимала, что Джессика ей очень нравится. Интересно, трудно ли Джессике заводить друзей? Впрочем, такой вопрос с бухты-барахты не задашь.

Джессика плюхнулась на кровать, потянулась и повернулась к Чарли.

– Итак, расскажи о себе, – предложила она доверительным тоном, передразнивая не то ведущего ток-шоу, не то чью-то не в меру любопытную мамашу.

Чарли неловко пожала плечами, моментально почувствовав себя не в своей тарелке.

– Что ты имеешь в виду?

Джессика рассмеялась.

– Не знаю! Дурацкое начало беседы, да? Я хочу сказать, разве можно нормально ответить на подобный вопрос? М-м-м, как насчет школы? Есть симпатичные парни?

Чарли тоже вытянулась на кровати, скопировав позу Джессики.

– «Симпатичные парни»? Нам что, по двенадцать лет?

– И все же? – не отставала Джессика.

– Не знаю, – ответила Чарли. – Не так чтобы много.

Народу в ее классе было немного. Большинство одноклассников девушка знала еще с тех пор, как переехала вместе с тетей Джен, и встречаться с кем-то из них «в том самом смысле» ей совершенно не хотелось. Она так и сказала Джессике.

– В основном девушки встречаются с парнями постарше, если хотят с кем-то встречаться, – подытожила она.

– И как же обстоят дела с парнями постарше? – поддразнила ее Джессика.

– Никак. Наверное, я всегда ждала, пока вырастут ребята из нашей компании.

– Точно! – Джессика расхохоталась, торопливо придумывая, чем бы поделиться с подружкой. – В прошлом году был один парень по имени Донни, – сказала она. – Смотрел на меня как на сумасшедшую, честное слово. Он был так мил со всеми. Постоянно одевался во все черное, и у него были такие густые черные волосы, что я не могла ни о чем другом думать, только о том, как сяду рядом с ним и уткнусь носом в его макушку. Я так переживала, что даже умудрилась получить двойку по тригонометрии. Он был ужасно артистичный, поэт, а еще повсюду носил с собой такую тетрадь в черной кожаной обложке и постоянно что-то в ней строчил, но никому не показывал. – Она мечтательно вздохнула. – Я все думала, как бы уговорить его почитать мне эти стихи, чтобы я могла лучше понять его душу, понимаешь?

– И как, он показал тебе свои стихи? – спросила Чарли.

– О да, – с энтузиазмом кивнула Джессика. – В конце концов я попросила его показать, ну знаешь, он был такой застенчивый и ни за что бы не заговорил первым, и мы ходили в кино, а потом поднялись на крышу его многоквартирного дома, и я рассказала ему, как мечтаю изучать древние цивилизации и отправиться на археологические раскопки и все такое. И он показал мне свои стихи.

– И ты поняла его душу? – спросила Чарли, вне себя от радости – ведь она участвует в самом настоящем девчачьем разговоре! Прежде ей и в голову не приходило, что она будет болтать о таком. Чарли с энтузиазмом кивнула. «Ой, не переборщить бы с восторгами». Она постаралась успокоиться, а Джессика подскочила на кровати и прошептала:

– Стихи оказались ужасными. Кто бы мог подумать, что можно сочинять такой напыщенный и скучный бред. Я хочу сказать, пока я читала эту писанину, мне было за него стыдно. – Она закрыла лицо ладонями.

Чарли засмеялась.

– И что же ты сделала?

– А что я могла сделать? Сказала, что он бездарность, и ушла домой.

– Погоди, что, прямо так? Сразу после того, как прочитала стихи?

– Да, я все еще держала в руке ту его тетрадку.

– О Джессика, это ужасно! Ты, наверное, разбила ему сердце!

– Знаю! Я чувствовала себя просто ужасно, но слова будто сами собой вырвались. Я просто не смогла остановиться.

– Он, наверное, перестал с тобой разговаривать после того случая?

– О нет, он вел себя очень вежливо. Зато сейчас он занимается статистикой и экономикой и носит вязаные жилетки с узором из цветных ромбов.

– Ты его уничтожила! – Чарли швырнула в Джессику подушкой, но та ловко ее поймала.

– Я знаю! Возможно, он станет биржевым маклером, а не нищим поэтом, и все это целиком и полностью моя вина. – Она улыбнулась от уха до уха. – Брось, в один прекрасный день он меня поблагодарит.

Чарли покачала головой и спросила:

– Ты и вправду мечтаешь стать археологом?

– Ага.

– Ух ты, – хмыкнула Чарли. – Прости, я думала… – Она опять покачала головой. – Извини, это очень крутая мечта.

– А ты думала, я хочу податься в модную индустрию? – спросила Джессика.

– Ну, в общем, да.

– Все в порядке. Когда-то так и было. В смысле, мне нравится мода, но лишь в определенной степени. Очень увлекательно думать о том, как жили люди тысячу лет назад, или две тысячи, или десять. Они ведь были такими же как мы, и все же другими. Мне нравится представлять, как люди жили в другие эпохи, и кем была бы я, если бы родилась в то время. Ну да ладно. А что насчет тебя?

Чарли перекатилась на спину и стала смотреть в потолок, обитый кое-где отстающим, покрытым пятнами пенопластом; прямо у нее над головой он был положен криво. «Надеюсь, под этим покрытием нет клопов», – подумала девушка.

– Не знаю, – медленно проговорила она. – Думаю, это очень круто: то, что ты знаешь, кем хочешь быть. А вот у меня пока нет определенного плана на будущее.

– Ну, все равно тебе не обязательно составлять его прямо сейчас, – заметила Джессика.

– Наверное, – согласилась Чарли. – Только, понимаешь… Вот ты уже знаешь, кем хочешь быть; Джон понял, что хочет стать писателем, едва взяв в руки карандаш, и он уже издается; Карлтон… Не знаю, чем он планирует заниматься, но невооруженным взглядом видно, что он себе на уме, даже когда дурачится. А вот я вообще не определилась, в какую сторону двигаться.

– Это неважно, поверь, – сказала Джессика. – Думаю, большинство людей в нашем возрасте понятия не имеют, кем быть. К тому же я ведь вполне могу передумать, завалить экзамены в колледж – да мало ли что может случиться. Никогда не знаешь, что будет с тобой завтра. Эй, я собираюсь переодеться. Спать хочется.

Она отправилась в ванную, а Чарли осталась на месте и продолжила разглядывать обшарпанный потолок. Кажется, у нее уже складывается нехороший пунктик: она упорно отказывается думать о прошлом и будущем. «Живи настоящим», – говорила ей тетя Джен, и Чарли никогда не забывала об этих словах: «Не зацикливайся на прошлом, не волнуйся о том, что может никогда не случиться». В восьмом классе Чарли отправилась на урок труда, потому что в глубине ее души жила смутная надежда: что, если проявится ее унаследованный от отца талант? Однако чуда не произошло. Ей удалось сколотить кособокий скворечник, который они потом повесили на заднем дворе. Больше Чарли не ходила на уроки труда, а скворечник привлек всего одну белку, да и то шустрая зверушка моментально свалила его на землю.

Джессика вышла из ванной, облаченная в полосатую розовую пижаму, и Чарли тоже пошла готовиться ко сну: переоделась и торопливо почистила зубы. Когда она вернулась в комнату, Джессика уже лежала под одеялом, а лампа на ее прикроватном столике была выключена. Чарли выключила и свою тоже, но в окно по-прежнему лился свет с расположенной за мусорными контейнерами парковки.

Чарли легла и, заложив руки за голову, снова уставилась в потолок.

– Ты знаешь, что будет завтра? – спросила она.

– Очень приблизительно, – ответила Джессика. – Знаю только, что в школе состоится какая-то церемония.

– Ага, это мне тоже известно. Нам нужно будет что-то делать? Ну, вдруг придется произносить речи?

– Не думаю, – проговорила Джессика. – А что, ты хочешь что-то сказать?

– Нет, мне просто интересно.

– Ты когда-нибудь о нем думаешь? – спросила Джессика.

– Иногда, хотя стараюсь не думать, – ответила Чарли, решив сказать полуправду.

Она запечатала все связанное с Майклом глубоко в сознании, заперла его за прочной стеной, которую никогда не трогала. Чарли не пыталась избежать этой темы, вообще-то, сейчас она пыталась подумать о Майкле.

– А ты? – спросила она Джессику.

– Не особо, – ответила та. – Странно, правда? Что-то случается, это худшее из всего, что когда-либо с тобой происходило, эта мысль жжет тебя изнутри и, кажется, будет жечь вечно. А потом проходят годы, и это событие становится просто одним из череды воспоминаний о прошлом. Ты по-прежнему осознаешь, что случившееся важно, ужасно, но это уже в прошлом, как и куча других событий. Понимаешь?

– Наверное, – сказала Чарли, хотя на самом деле все прекрасно понимала. – Я просто пытаюсь не думать о таких вещах.

– Я тоже. Знаешь, а я ведь буквально на прошлой неделе ходила на похороны.

– Мне жаль, – пробормотала Чарли, садясь. – Ты в порядке?

– Да, в полном. Я едва знала покойного; умер один мой пожилой родственник, который жил через три штата от нас. Думаю, мы встречались один раз, но я почти не помню ту встречу. Мы поехали главным образом ради моей мамы. Состоялась старомодная погребальная церемония, все как в кино, и гроб открыт. Мы все шли за гробом, а когда пришла моя очередь, я посмотрела на умершего, и у него был такой вид, словно он просто спит, представляешь? Мирно так

дремлет; не зря люди обычно говорят «покойся в мире». Если бы я не знала, наверняка подумала бы, что он живой; каждая черточка его лица выглядела так, словно он того и гляди глаза откроет. Кожа розовая, волосы как у любого живого человека. Только он был мертвый, и я это знала. Хотя, даже если бы не знала, сразу догадалась бы, ведь он лежал в гробу.

– Понимаю, что ты хочешь сказать. Есть что-то такое в мертвых людях, словно они… – тихо проговорила Чарли.

– Теперь, когда я это говорю, все это звучит очень глупо, но когда я смотрела на него, он выглядел таким живым, хотя я знала, просто знала, что он мертвый. У меня аж мурашки по коже побежали.

– Это самое страшное, правда? – проговорила Чарли. – Когда что-то ведет себя, как живое, хотя живым не является.

– Что? – спросила Джессика.

– Я имела в виду, когда что-то неживое выглядит, как живое, – быстро поправилась Чарли. – Ты поставила будильник?

– Да, – кивнула Джессика. – Спокойной ночи.

– И тебе.

Чарли не сомневалась: быстро заснуть не удастся. Она понимала, о чем говорила Джессика, возможно, даже лучше самой Джессики. Искусственный блеск в глазах, которые следят за тобой, когда ты движешься, как следил бы настоящий человек. Слегка пошатывающаяся походка животных, которые двигаются совсем не так, как двигалось бы живое существо. Периодически случающиеся программные сбои, из-за которых робот делал что-то новое, необычное. В детстве Чарли окружали роботы, она выросла в странном промежутке между жизнью и не-жизнью. Этот мир был ей чужд, в этом мире жил ее отец. Чарли закрыла глаза. «Что сделал с ним этот мир?»

Глава третья

Бум. Бум. Бум.

Чарли проснулась, как от толчка, и спросонок закрутила головой, не понимая, где она. Что-то билось в дверь, пытаясь попасть внутрь.

– Ой, ради бога, – проворчала Джессика, и Чарли села в кровати.

Точно. Мотель. Харрикейн. Кто-то стучит в дверь. Джессика пошла открывать, а Чарли выбралась из постели и посмотрела на часы. Десять утра. Она выглянула в окно: на улице было солнечно. Ночью девушка спала хуже, чем обычно, не из-за кошмаров, а из-за темных снов, которые она толком не запомнила; теперь, при свете дня от них остались лишь тревожные ощущения в дальнем уголке сознания, смутные образы, которые она не могла ухватить.

– Чарли-и-и! – пронзительно заверещал кто-то. Чарли шагнула к двери, а в следующий миг угодила в крепкие объятия: пухлые руки Марлы стиснули ее, словно тиски. Чарли тоже обняла подружку, причем крепче, чем собиралась. Затем Марла выпустила ее и шагнула назад, улыбаясь от уха до уха. Любые чувства Марла всегда выражала очень бурно и заразительно, передавая их всем вокруг. Если она грустила, всех ее друзей захватывала мрачная атмосфера, и солнце скрывалось за облаками. Когда она радовалась, как сейчас, окружающие неизбежно улыбались. У Марлы всегда был такой вид, будто она запыхалась, взволнованна, мчится, боясь опоздать, хотя она почти никогда не опаздывала. На Марле была свободная темно-красная блузка, которая очень ей шла, выгодно оттеняя ее чистую кожу и темно-каштановые волосы.

С Марлой Чарли поддерживала связь чаще, чем с остальными. Марла относилась к тому типу людей, с которыми легко дружить, даже находясь вдали от них. Еще ребенком она всегда посылала приятелям письма и открытки, ничуть не огорчаясь, если Чарли ей не отвечала. Она пребывала в твердой уверенности, что нравится всем, раз уж никто в резкой форме не высказал обратного. Чарли восхищалась этой чертой характера Марлы – сама она не считала себя застенчивой, но постоянно размышляла: нравлюсь ли я этому человеку, или он просто вежлив со мной? Как определить эту разницу? Как-то раз, когда им было по двенадцать лет, Марла приехала ее навестить. Она полностью очаровала тетю Чарли и моментально подружилась со школьными друзьями самой Чарли, причем постоянно подчеркивала, что она подружка Чарли и приехала сюда

исключительно ради Чарли.

Широкая улыбка сползла с лица Марлы, она посерьезнела и внимательнее пригляделась к Чарли, точно пыталась определить, сильно ли та изменилась с их последней встречи.

– Ты все такая же бледная. – Она взяла Чарли за руку. – И ты вся холодная. Тебе когда-нибудь бывает тепло? – Она уронила руку Чарли и принялась со скептическим видом осматривать комнату, как будто не до конца понимала, куда попала.

– Это номер люкс, – сказала Джессика ничего не выражающим голосом, не переставая искать что-то в сумке. Ее волосы торчали во все стороны, и Чарли с трудом сдержала улыбку. Приятно в кои-то веки увидеть вечно лощеную Джессику растрепанной. Джессика наконец нашла расческу и триумфально помахала ею над головой.

– Ха! Получи, утренняя завивка!

– Давай зайдем, – предложила Чарли, сообразив вдруг, что они с Марлой стоят на пороге номера, а дверь открыта. Марла кивнула.

– Секунду. ДЖЕЙСОН! – крикнула она. – На зов никто не явился. – ДЖЕЙСОН!

От дороги рысцой прибежал невысокий, гибкий мальчик; кожа у него была темнее, чем у старшей сестры. Футболка с изображением Супермена и черные шорты болтались на нем, как на вешалке; темные волосы коротко пострижены, а руки и ноги забрызганы грязью.

– Ты что, играл на дороге? – сурово спросила Марла.

– Нет? – полувопросительно протянул мальчик.

– Играл-играл. Не делай так. Если тебя собьет машина, мама будет меня винить. Заходи давай. – Марла пихнула младшего брата в номер и покачала головой.

– Сколько же тебе теперь лет? – поинтересовалась Чарли.

– Одиннадцать, – ответил Джейсон. Он уверенно направился к телевизору и стал нажимать на кнопки.

– Джейсон, прекрати, – велела Марла. – Поиграй со своими фигурками.

– Я что, маленький? – возмутился Джейсон. – Все равно они в машине.

Однако от телевизора отошел и стал смотреть в окно.

Марла потерла глаза.

– Мы только что прибыли. Выезжать пришлось в шесть утра, вдобавок кое-кто, – она бросила косой взгляд на брата, – не переставая играл с радио. Я так устала. – Уставшей она не выглядела, хотя это ни о чем не говорило: у нее всегда был очень бодрый вид. Чарли помнила, что в детстве Марла вечно прыгала на кроватке, как мячик, в то время как остальные дети уже давно спали, а потом вдруг внезапно вырубалась, точно мультяшный персонаж, которого стукнули по голове скалкой.

– Пора собираться, – заявила Джессика. – Через час мы должны встретиться с парнями в закусочной.

– Быстрее! – воскликнула Марла. – Нам тоже нужно переодеться, все-таки мы с дороги.

– Джейсон, ты можешь посмотреть телевизор, – сказала Чарли. Мальчик посмотрел на сестру, та кивнула, и Джейсон, улыбнувшись, принялся быстро переключать каналы.

– Пожалуйста, выбери что-то одно, – проворчала Марла.

Чарли отправилась в ванную, чтобы одеться, а Джессика сооружала прическу.

* * *

Не прошло и часа, как они подъехали к закусочной. Остальные уже собрались там, даже заняли тот же столик, за которым они сидели накануне. Войдя в кафе, Марла устроила второй раунд радостных визгов и объятий, только на сей раз слегка уменьшила громкость, поскольку они находились на людях. Ламар, оказавшийся в тени ее бьющего через край энтузиазма, встал и помахал рукой Джессике и Чарли, ожидая, пока Марла усядется.

– Привет, ребята, – сказал он наконец. Высокий, худощавый, темнокожий, коротко стриженный Ламар был одет в темно-серый костюм и черный галстук; тонкие черты его лица притягивали взгляд, он выглядел немного старше остальных ребят. Возможно, сыграл свою роль строгий костюм, но Чарли подумала, что дело в его позе: Ламар держался очень уверенно.

Все они слегка принарядились по случаю церемонии. Марла переоделась в мотеле, они с Джессикой обе были в платьях. Платье Джессики было длиной до колен, в светлый цветочек, сшитое из легкой, развевающейся при ходьбе ткани; у Марлы – простое, в крупные подсолнухи. Чарли не сообразила захватить с собой платье, и теперь надеялась, что не будет выглядеть неуместно в черных брюках и белой рубашке навыпуск. Джон сегодня надел светло-фиолетовую рубашку, дополнив ее темно-фиолетовым галстуком, а Карлтон, похоже, оделся в точности как вчера, во все черное. Все уселись за стол.

– Ну, разве мы не симпатяги? – радостно прощебетала Марла.

– Где Джейсон? – Джессика вытянула шею и завертела головой.

Марла застонала.

– Сейчас вернусь.

Она выскочила из кабинки и помчалась к двери.

– Ламар, чем ты занимаешься? – поинтересовалась Чарли.

Юноша широко улыбнулся.

– Перед тобой член Лиги плюща, – немного насмешливо сказал Карлтон.

Ламар на миг опустил взгляд, но на его лице играла улыбка.

– Приняли до восемнадцати лет, – только и сказал он.

– И какой университет? – спросила Джессика.

– Корнеллский.

– Погоди, как вышло, что ты уже поступил в университет? – поразилась Чарли. – Нам же еще целый год в школе учиться. Я даже не знаю, куда потом идти.

– Он пропустил шестой класс, – сказал Джон. На миг его лицо помрачнело, и Чарли поняла почему. Джон любил быть самым умным, самым развитым. В детстве Ламар был разгильдяем, а теперь вырвался вперед. Джон принужденно улыбнулся, но уже в следующее мгновение посветлел лицом. – Поздравляю, – совершенно искренне сказал он.

Снова вбежала Марла, на сей раз как на буксире таща за собой Джейсона. В гостинице она заставила его переодеться в блейзер и светло-бежевые брюки, хотя мальчик так и остался в кроссовках.

– Да иду я, иду. Перестань, – канючил он, пытаясь вырвать руку.

– Это Джейсон? – спросил Карлтон.

– Ага, – ответил Джейсон.

– Ты меня помнишь? – улыбнулся Карлтон.

– Я никого из вас не помню, – ответил мальчик, и в его голосе не прозвучало ни малейшего намека на сожаление.

– Сиди здесь, – велела Марла, указывая на место за соседним столиком.

– Ладно, – проворчал ее брат.

– Марла, он может сесть с нами, – предложила Джессика. – Джейсон, иди сюда.

– Я хочу сидеть здесь, – заявил мальчик. Он плюхнулся на сиденье, вытащил из кармана видеоигру и перестал обращать внимание на то, что происходит вокруг.

Подошла официантка, и ребята сделали заказ; Марла попросила принести Джейсону завтрак и включить в общий счет. Когда принесли еду, Чарли посмотрела на часы.

– Время поджимает, – заметила она.

– Успеем, – заверил ее Карлтон, указывая на дорогу. – Здесь недалеко. – Изо рта у него выпал кусочек пищи.

– Ты заходил в школу? – спросил Ламар, и Карлтон пожал плечами.

– Прохожу мимо время от времени. Знаю, для всех вас эта поездка наполнена воспоминаниями о прошлом, а я просто живу здесь. Так что меня не мучает постоянная ностальгия по детскому саду.

Какое-то мгновение все молчали, и тишину нарушали только свист и бибиканье видеоигры Джейсона.

– Эй, а ты знала, что Ламар в следующем году отправляется в Корнеллский университет? – спросила Джессика у Марлы.

– Правда? Ха, похоже, ты нас всех обскакал, – воскликнула Марла.

Ламар уставился в свою тарелку, а когда поднял взгляд, его щеки слегка покраснели.

– Это все часть пятилетки, – сказал он. Все засмеялись, и Ламар покраснел еще сильнее. – Немного странно вновь вернуться сюда, – добавил он, торопливо меняя тему.

– По-моему, странно то, что я единственный из нас до сих пор живу здесь, – заметил Карлтон. – Обычно никто не покидает Харрикейн.

– Что в этом странного? – задумчиво проговорила Джессика. – Мои родители… вы же помните, моя мама из Нью-Йорка. Когда-то она часто шутила, что вернется туда. «Когда я вернусь в Нью-Йорк». С тем же успехом она могла бы говорить: «Когда я выиграю в лотерею». На самом деле она не собиралась туда возвращаться. А потом, сразу после того как Майкл… в общем, сразу после этого мама вдруг перестала шутить на эту тему. Уже через три месяца мы полетели в Куинс, навестить ее сестру, да так и не вернулись. Отец моего папы умер, когда мне было девять, и родители вернулись в Харрикейн на похороны, но меня с собой не взяли. Не хотели, чтобы я возвращалась, и, честно говоря, я и сама не хотела ехать. Пока их не было, я постоянно переживала, без конца смотрела в окно, надеялась, что они вернутся пораньше, словно с ними здесь могло случиться что-то плохое.

Все принялись переглядываться. Чарли знала, что они все переехали, все, кроме Карлтона, но раньше она никогда об этом не задумывалась – ведь люди постоянно переезжают. И все же Карлтон прав: прежде люди не уезжали из Харрикейна.

– Мы переехали, потому что папа получил новую работу; дело было летом, я как раз закончил третий класс, – сказал Джон. – Так что тут нет ничего загадочного. Ламар, а ты уехал в том же году, в разгар учебы.

– Ага, – кивнул Ламар. – Просто после развода родителей я вместе с мамой уехал в Индианаполис. – Он нахмурился. – Хотя отец тоже переехал, он теперь в Чикаго.

– Мои родители уехали из-за Майкла, – призналась Марла. Все повернулись к ней. – После того случая мама не могла спать, говорила, в городе обитают потревоженные духи. Папа уговаривал ее не болтать ерунды, но мы все равно уехали, как только смогли. – Марла обвела взглядом лица друзей. – Что? – спросила она, словно защищаясь. – Я не верю в призраков.

– А я верю, – сказала Чарли, ощущая себя так, словно говорит с приятелями, находясь на большом расстоянии от них, и удивилась, что они ее услышали. – Я имею в виду не призраков, а… воспоминания. Мне кажется, они остаются, и неважно, есть в этом месте кто-то или нет. – Дом, ее старый дом был наполнен воспоминаниями, чувством потери и тоской. Эти чувства витали в воздухе, как сырость; стены ими пропитались. Когда Чарли вошла в дом, там царила

гнетущая атмосфера, и сейчас она никуда не делась; она останется там навсегда. Так должно быть. На плечах Чарли лежал большой и тяжкий груз, с которым ей придется жить дальше.

– Бессмыслица какая-то, – возразила Джессика. – Воспоминания существуют исключительно в нашем сознании. Они вроде как хранятся в мозгу; это даже на рентгеновских снимках видно. Они не могут существовать отдельно от человеческого разума.

– Не знаю, – пробормотал Джон. – Подумай обо всех местах с особой… атмосферой. Старые дома, например. Или бывает, гуляешь где-нибудь, и вдруг накатывает грусть или воспоминания, хотя раньше ты в этих местах не бывал.

– Ну, это же не из-за воспоминаний других людей, – заметил Ламар. – Это сигналы подсознания, вещи, которые мы подмечаем неосознанно, они-то и заставляют измениться наше настроение. Облупившаяся краска, старая мебель, кружевные занавески, мелкие детали, вызывающие ностальгию, – по большей степени мы черпаем все это из фильмов. Когда мне было четыре года, я потерялся на карнавале. Никогда в жизни так не пугался, однако не думаю, что кто-то может внезапно испугаться и захотеть к маме, просто проходя мимо колеса обозрения.

– Кто-то, наверное, может, – сказала Марла. – Не знаю, иногда у меня бывает такое чувство, будто я что-то забыла, о чем-то жалею, счастлива или вот-вот заплачу, но это лишь мимолетное ощущение. А потом оно проходит. Возможно, мы все излучаем свои страхи, сожаления и надежды повсюду, куда бы ни пошли, и улавливаем отпечатки чувств людей, которых никогда не встречали. Может быть, такое происходит повсюду.

– И чем это отличается от веры в призраков? – спросил Ламар.

– Это совсем другое, – заявила Марла. – В этом нет ничего сверхъестественного, и речь не идет о душах мертвых людей. Просто… люди оставляют в мире своеобразный след.

– То есть это призраки живых людей? – фыркнул Ламар.

– Нет.

– Ты утверждаешь, будто у людей есть некая сущность, способная оставаться в некоторых местах после того, как человек оттуда ушел, – подытожил Ламар. – Это и есть привидение.

– Вовсе нет! Я просто не могу толком объяснить, – вздохнула Марла. Она прикрыла глаза и с минуту молчала, размышляя. – Хорошо, – сказала она наконец. – Вы все помните мою бабушку?

– Я помню, – подал голос Джейсон. – Она была и моей бабушкой.

– Она была мамой моего папы, а не твоего, – возразила Марла. – И вообще, когда она умерла, тебе был только год.

– Я ее помню, – тихо повторил Джейсон.

– Ладно, – сказала Марла. – В общем, она собирала кукол, еще с тех пор, когда я была совсем маленькой. В прошлом они с дедушкой много путешествовали, после того как он вышел на пенсию, и бабушка привозила кукол со всего мира: из Франции, Египта, Италии, Бразилии, Китая – отовсюду. Бабуля хранила их в специальной комнате, там вдоль стен стояли стеллажи, битком забитые куклами: от совсем крошечных до огромных, почти с меня ростом. Я их обожала; одно из моих самых ранних детских воспоминаний связано с ними: я помню, как играла с куклами в той комнате. Папа еще велел мне обращаться с ними осторожно, а бабушка только смеялась и говорила: «Игрушки на то и нужны, чтобы с ними играть».

У меня была любимица, рыжеволосая кукла ростом в двадцать один дюйм, в коротком белом платье, как у Ширли Темпл. Я звала ее Мэгги. Ее сделали в 1940-х годах, и я ее обожала. Рассказывала ей обо всем, а когда мне было одиноко, я представляла, что сижу в той комнате и играю с Мэгги. Бабушка умерла, когда мне было шесть, и когда после похорон мы с папой приехали к дедушке, он предложил мне выбрать себе одну куклу из коллекции. Я пошла в ту комнату, чтобы забрать Мэгги, но стоило мне войти туда, как что-то пошло не так.

Вокруг словно потемнело, стало как-то неприятно. Я огляделась, и позы, в которых сидели и стояли куклы, показались мне неестественными, как будто им вывихнули руки и ноги. Меня не покидало ощущение, что все они смотрят на

меня. Мэгги находилась в углу, и я шагнула к ней, но, посмотрев в ее глаза, остановилась. Словно на меня глядела не кукла со стеклянными глазами, а какое-то незнакомое существо. Я повернулась и убежала. Я мчалась обратно в гостиную так, словно кто-то за мной гнался, и не смела оборачиваться, пока не оказалась рядом с отцом. Он спросил, выбрала ли я куклу, и я только кивнула. Больше я не заходила в ту комнату.

Все молчали. Чарли не могла пошевелиться, как наяву представив себе, как маленькая Марла убегает со всех ног.

– Что сталось с теми куклами? – спросил Карлтон, лишь отчасти нарушив сковавшее ребят оцепенение.

– Не знаю. Думаю, после смерти дедушки мама продала их другому коллекционеру, – ответила Марла.

– Извини, Марла, – сказал Ламар, – только это все равно выверт подсознания. Ты тосковала по бабушке, боялась смерти, а куклы часто наводят на людей жуть.

Чарли поспешила вмешаться, чтобы положить конец спору:

– Все поели? Нам уже скоро выходить.

– У нас еще полно времени, – возразил Карлтон, посмотрев на часы. – Дорога займет минут пять от силы. – Изо рта у него выпал еще кусочек еды, приземлившись рядом с первым.

Джон поочередно обвел взглядом сидевших за столом друзей, словно чего-то ожидая.

– Нужно им рассказать, – проговорил он, глядя на Чарли.

– Да, непременно нужно! – подхватила Джессика.

– О чем рассказать? – пропищал Джейсон, выглядывая из-за спинки сиденья.

– Ш-ш-ш, – цыкнула Марла, поворачиваясь к брату, но как-то вяло. Она с интересом посмотрела на Джона. – О чем вы хотите рассказать?

Джон понизил голос, и все наклонились поближе к нему. Чарли тоже подалась вперед, хотя наверняка знала, о чем пойдет речь.

– Вчера вечером мы были «У Фредди», – сообщил Джон.

– Неужто она все еще на прежнем месте? – воскликнула Марла в полный голос.

– Тс-с-с! – Джессика отчаянно замахала на подружку руками.

– Извини, – прошептала Марла. – Просто не могу поверить, что ее до сих пор не снесли.

– Не снесли, – кивнул Карлтон, приподнимая брови, потом с загадочным видом улыбнулся Ламару.

– Она спрятана, – пояснил Джон. – Ее хотели снести, чтобы построить вместо нее торговый центр. Но не сделали этого. Просто… построили центр вокруг пиццерии. Похоронили ее.

– И вы пробрались внутрь? – поразился Ламар. Чарли кивнула. – Не может быть.

– И как там теперь? – спросила Марла.

– Все в точности как раньше, – ответил Джон. – Как будто…

– Как будто все посетители испарились, – тихо сказала Чарли.

– Я тоже хочу туда сходить! Вы должны нас отвести! – воскликнула Марла.

Джессика неуверенно кашлянула, и все посмотрели на нее.

– Не знаю, – медленно проговорила она. – В смысле, прямо сегодня? А стоит ли?

– Мы должны ее увидеть, – сказал Ламар. – Вы же не можете сначала рассказать нам об этом, а потом не дать увидеть.

– Я тоже хочу пойти, – вклинился Джейсон. – Что такое «У Фредди»?

На него не обратили внимания. У мальчика разгорелись глаза, он прислушивался к разговору, жадно ловя каждое слово.

– Джессика, наверное, права, – неохотно сказал Джон. – Может, это было бы неуважением – идти сегодня вечером.

Последовала секундная пауза, и Чарли поняла: все ждут, что же скажет она. Именно ее все боялись оскорбить, и теперь нуждались в ее разрешении.

– Думаю, нам стоит сходить, – решила она. – Мне не кажется, что это неуважение. Наоборот, это своеобразная дань памяти… случившемуся. – Она по очереди посмотрела на ребят. Джессика закивала. Сама Чарли полагала, что привела не очень убедительный аргумент, но, похоже, уговаривать друзей не требовалось.

Марла изогнулась и поверх спинки диванчика заглянула Джейсону в тарелку.

– Ты поел? – спросила она.

– Ага, – кивнул мальчик.

Марла указала на игру в его руках.

– Ты же помнишь, что нельзя играть в эту штуку во время церемонии?

– Ага.

– Джейсон, я серьезно. Я запру эту штуку в машине.

– Почему бы тебе не закрыть меня в машине, – пробурчал мальчик.

– Я бы с удовольствием, – проворчала Марла вполголоса, потом снова повернулась к друзьям. – Так, мы можем идти.

Они ехали к школе вереницей: парни в машине Карлтона, потом Марла, и замыкала «караван» Чарли.

– Можно было поехать всем в одной машине, – лениво пробормотала Джессика, поглядывая в окно.

Об этом Чарли не подумала.

– Да, наверное, – сказала она.

– С другой стороны, не уверена, что хотела бы ехать вместе с Марлой и Джейсоном, – без обиняков заявила Джессика.

– Они чересчур активные, – согласилась Чарли.

Когда они приехали, парковка уже была забита битком. Чарли припарковалась на соседней улице, надеясь, что в этом месте разрешено парковаться, после чего они пошли к школе по знакомой с детства дорожке.

Джессика поежилась.

– У меня прямо мурашки по коже.

– Странно вновь оказаться здесь, – кивнула Чарли.

На первый взгляд школа выглядела совсем как раньше, только забор вокруг нее поставили новый, из черных пластиковых щитов. Весь город являл собой такую смесь старого и нового, знакомого и незнакомого. Привнесенные новшества казались Чарли чужеродными, однако старые, знакомые вещи тоже вызывали подобные ощущения. «Наверное, Карлтон чувствует себя очень необычно, живя здесь», – подумала девушка. «Знаю, для всех вас эта поездка наполнена воспоминаниями о прошлом, а я просто живу здесь» – так он недавно сказал. Чарли показалось, что он говорил неискренне.

Когда они дошли до расположенной за школой игровой площадки, места на открытой трибуне почти закончились; перед трибуной в несколько рядов поставили складные стулья, и Чарли заметила сидевших в первом ряду Марлу и мальчишек.

– О, просто здорово, – проворчала она. – Не хочу сидеть в первом ряду.

– Я не против, – пожала плечами Джессика.

Чарли посмотрела на приятельницу. «Конечно ты не против, – вертелось у нее на языке. – Ты… ты…» Вместо этого она сказала:

– Ага, это не проблема.

Они направились к остальным.

– Тут, наверное, полгорода собралось, – заметила Чарли, глядя на два свободных места, которые заняли им друзья: одно в первом ряду, рядом с Карлтоном, другое – за ним, рядом с Марлой. Джессика подмигнула Чарли и села рядом с Карлтоном. Потом наклонилась к юноше, и они принялись шептаться.

– Тут, наверное, полгорода собралось, – повторила Чарли, обращаясь к Марле.

– Ага, – кивнула та. – Я хочу сказать, это же маленький городок, сама знаешь. Случай с Майклом… наделал шуму. К тому же его родители до сих пор живут здесь. Люди помнят.

– Люди помнят, – тихо повторила Чарли.

Прямо перед ними установили маленькую импровизированную сцену, на которой стояли ораторская трибуна и четыре стула. За стульями повесили большой экран, на него проецировалось изображение: фотография Майкла, больше человеческого роста. Мальчик на снимке выглядел не идеально: он запрокинул голову под странным углом, широко разинув смеющийся рот… И все же это фото подходило как нельзя лучше: фотограф поймал и запечатлел радостный, не постановочный момент. Ребенок на фотографии выглядел счастливым.

– Проклятье, – прошептала Марла.

Чарли посмотрела на подружку: та промокала глаза салфеткой. Чарли обняла ее и сказала:

– Я знаю.

Внезапно заработала акустическая система, раздался громкий завывающий звук, потом он стих. На сцену поднялись четыре человека: крупный мужчина в костюме, направившийся прямиком к микрофону, пожилая женщина, и державшиеся рядом мужчина и женщина. Человек в костюме встал перед трибуной, пожилая женщина села на один из стульев. Пара осталась стоять у края сцены. Чарли сообразила, что это, скорее всего, родители Майкла, но она их не узнавала. В детстве она не особо обращала внимание на родителей друзей: они принадлежали к особому виду людей, «взрослых». Чарли вдруг поняла, что даже не знает их имен; родители Майкла не путались под ногами у друзей сына и не представлялись им, а Чарли обращалась к ним просто «мама Майкла» и «папа Майкла», как будто это приемлемая форма обращения.

Человек у трибуны представился, назвавшись директором школы. Он произнес несколько слов о потере и общности, а также о том, как мимолетна и драгоценна молодость; вкратце напомнил собравшимся о доброте Майкла, его артистическом таланте, о том, что он с самого раннего детства производил благоприятное впечатление на окружающих. «Это правда», – подумала Чарли. Майкл был на удивление обаятельным ребенком. Он не проявлял особых лидерских качеств, однако все хотели его порадовать, развеселить, поэтому часто поступали так, как хотелось бы Майклу – просто чтобы сделать ему приятное.

Директор закончил и представил родителей Майкла, Джоан и Дональда Бруксов. Супруги явно чувствовали себя не в своей тарелке: переминались с ноги на ногу рядом с трибуной, скользили взглядами по толпе, словно спрашивая себя, что они тут делают. Наконец вперед вышла Джоан.

– Так странно находиться здесь сегодня, – произнесла она, и по толпе пробежал тихий одобрительный шепоток. – Мы безмерно благодарны всем вам за то, что вы пришли, особенно тем из вас, кто специально прибыл в город. – Она посмотрела прямо на сидевших в первом ряду приятелей Чарли. – Некоторым из

друзей Майкла пришлось приехать издалека, и, думаю, это свидетельство того, кем он был десять лет назад, когда все вы только начинали свой путь, переходили на следующую ступень своей жизни. – Поскольку Чарли сидела очень близко к сцене, она видела, что Джоан того и гляди заплачет, и слезы уже блестят у нее в глазах, однако голос женщины не срывался. – Мы благодарны за то, что вы здесь. Деньги на эту стипендию мы хотели оставить Майклу в наследство, но, очевидно, что он и без того сам оставил по себе добрую память.

Марла стиснула руку Чарли, и девушка пожала ее ладонь в ответ.

– Я хочу сказать кое-что, – продолжала Джоан, – о семьях, которых сегодня здесь нет. Как все вы знаете, за те страшные несколько месяцев Майкл не был единственным пропавшим ребенком. – Она зачитала еще четыре имени: двух девочек и двух мальчиков. Чарли быстро взглянула на Марлу. Все они знали, что пропали и другие дети, но смерть Майкла нависла над ними такой огромной тенью, что они никогда даже не говорили об остальных жертвах. Теперь Чарли ощутила укол вины. Для кого-то те маленькие девочки и мальчики были так же важны, как Майкл для своих родителей и друзей. Для кого-то такая потеря означала конец света. Девушка на миг закрыла глаза. «Я не могу оплакать всех, – подумала она. – Никто не сможет».

Джоан заговорила снова.

– Хотя их семьи уехали из Харрикейна, те мальчики и девочки навечно останутся в наших сердцах. А сейчас я попрошу выступить молодого человека, который был особенно близок с моим сыном. Карлтон, скажешь несколько слов?

Чарли и остальные ребята удивленно смотрели, как Карлтон встает и поднимается на сцену. Джоан крепко его обняла и осталась стоять рядом, а Карлтон вытащил из кармана мятый листок бумаги. Юноша откашлялся, посмотрел поверх голов зрителей, затем снова смял в кулаке листок и засунул обратно в карман.

– Я помню Майкла хуже, чем следовало бы, – сказал он наконец. – За столько лет многое стерлось из памяти; знаю, мы с ним познакомились, еще когда ходили в памперсах, но этот период жизни я, к счастью, не помню.

Зрители тихо захихикали.

– Зато я знаю, что в моих самых ранних воспоминаниях всегда присутствует Майкл. Я помню, как мы играли в супергероев; рисовали – последнее у него получалось намного лучше, чем у меня; а когда мы немного подросли… ну, мы по-прежнему играли в супергероев и рисовали. И я твердо помню одно: мои дни всегда становились веселее, если рядом был Майкл. Он был умнее меня, именно он всегда придумывал что-то новое, изобретал новые способы попасть в переделку. Кстати, миссис Брукс, извините за те лампы. Если бы я прыгнул так, как предлагал Майкл, то, возможно, разбил бы только одну.

Дональд засмеялся, но получился какой-то утробный, рыдающий звук. Чарли поерзала, чувствуя смущение, и с извиняющейся улыбкой вытащила ладонь из пальцев Марлы. Неприкрытое горе родителей Майкла потрясало ее до глубины души, как свежая, кровоточащая рана, на которую больно смотреть.

Карлтон спустился со сцены и сел на свое место. Заговорила бабушка Майкла, потом выступил его отец – он слегка успокоился и нашел в себе силы рассказать, как впервые привел сына на занятия в художественный класс. Он рассказал собравшимся об учрежденной стипендии: ее планировалось вручать выпускнику, который продемонстрирует мастерство и страсть в искусстве; затем он назвал первого победителя, получившего приз в этом году, Анну Парк, худощавую кореянку. Девушка быстро поднялась на сцену, дабы получить почетный значок и свою порцию дружеских объятий от родителей Майкла. Чарли подумала, что Анна, наверное, чувствует себя очень странно, ведь ее радость изначально омрачена горем родителей Майкла. С другой стороны, Анна наверняка тоже знала Майкла, пусть и шапочно.

После церемонии ребята подошли к родителям Майкла, поприветствовали их, обняли и выразили соболезнования. «Что можно сказать человеку, потерявшему ребенка? Разве можно облегчить его страдания? Изгладится ли его горе хоть чуть-чуть за десять лет, или он до самой смерти будет просыпаться по утрам, ощущая всю тяжесть потери?» Возле сцены стоял длинный стол, на котором постепенно росла груда цветов, кроме того, собравшиеся на церемонию люди приносили фотографии и открытки, записки, адресованные родителям Майкла или ему самому. Кто-то что-то вспомнил, кто-то записал невысказанные в прошлом пожелания. Чарли подошла к столу и оглядела разложенные на нем записки. Были здесь и фотографии, с которых улыбалась она сама, ее друзья и, конечно, Майкл. Впрочем, что же в этом удивительного? Они постоянно играли то все вместе, то по двое, по трое. Взгляд Чарли выхватил из общей кучи один снимок: Майкл, Джон и она сама, все перемазанные грязью, а рядом Джессика,

чистенькая, как с картинки, отказывается подходить к троице грязнуль. Чарли улыбнулась. Точно-точно, так все и было. На другой фотографии пятилетняя Марла из последних сил держит на руках новорожденного брата, а Ламар заглядывает ей через плечо, с подозрением косится на крошечного малыша. Здесь же лежало несколько рисунков Майкла, карандашные наброски в профессионально сделанных рамках разного размера и цвета.

Чарли взяла один рисунок, изображавший, как она предполагала, мчащегося по городу огромного динозавра. А ведь Майкл действительно был очень одаренным, осознала девушка. И она, и все ее друзья рисовали карандашами, но на фоне их каракулей рисунки Майкла выглядели самыми реалистичными.

– Вот этот особенно хорош, – сказал тихо подошедший к девушке Джон.

Чарли вздрогнула от неожиданности.

– Ты меня напугал.

– Извини.

Она снова посмотрела на рисунок. Что бы это ни было, она даже сейчас не сможет нарисовать ничего лучшего. Грудь вдруг словно сжало невидимым обручем, и Чарли задохнулась от горя и гнева. Она вдруг остро осознала, что Майкл умер молодым, его жизнь грубо оборвали, украли у него целых десять лет. На Чарли накатило негодование, чувство несправедливости, какое испытывают только маленькие дети, захотелось завопить: «Так нечестно!»

Сделав глубокий вдох, Чарли поставила рисунок обратно и отвернулась от стола. Народ пока не расходился, но девушка почувствовала, что должна немедленно уйти. Она встретилась взглядом с Марлой, и та – проницательная, как всегда, просто жуть! – кивнула и ухватила Ламара за рукав. Они встали и направились к парковке, Чарли тоже направилась туда. Кажется, никто не обратил внимания на их уход, и в этом не было ничего удивительного: все они здесь чужие, кроме Карлтона.

На парковке ребята остановились у машины Марлы. Она, похоже, сотворила чудо: нашла место на парковке прямо перед школой.

– Теперь я могу поиграть в игру? – тут же спросил Джейсон. Марла вытащила из кармана ключи и протянула брату, предупредив:

– Только смотри не уезжай.

Потом вдруг схватила мальчика за плечи, притянула к себе, обняла и на долгое мгновение замерла.

– Господи, я только к машине отойду! – пробормотал Джейсон, когда сестра наконец выпустила его.

– Ага, может, стоит разрешить тебе уехать, – фыркнула Марла, слегка подталкивая мальчика в спину. Потом откашлялась. – Так вы пойдете к Фредди?

Ребята принялись переглядываться.

– Ага, – кивнула Чарли. – Думаю, стоит сходить. – Почему-то теперь повторное посещение пиццерии казалось ей больше чем просто игрой, скорее необходимостью. – Давайте встретимся там на закате. Слушай, Джессика, ты не могла бы поехать с ребятами? Я собираюсь пройтись пешком.

– Можешь поехать с нами, – предложила Джессике Марла. – Я пообещала Джейсону сводить его в кино.

Чарли зашагала по дороге, не слушая, чем закончится разговор. Уже отойдя шагов на десять, она вдруг поняла, что кто-то идет за ней, и обернулась.

– Джон?

– Не против, если я пойду с тобой? Ты ведь идешь в свой старый дом, да?

– Как ты догадался?

– В той стороне, куда ты направляешься, больше нет ничего интересного. Вообще-то я тоже ходил посмотреть наш старый дом. Его перекрасили в синий цвет, а во дворе разбили сад. Так странно. Когда мы жили здесь, дом не был синим, но я никак не могу вспомнить, какого же он был цвета. Все так

изменилось.

Чарли ничего не сказала. Хочет ли она, чтобы Джон пошел с ней? Ее дом, дом ее отца – это нечто очень личное. Она вспомнила, как Джон впервые увидел ее игрушки: он тогда пришел в восторг, причем восторгался совершенно искренне, а не из вежливости. Чарли сдалась.

– Хорошо, можешь пойти со мной.

– Твой дом… – Джон помолчал, будто колеблясь. – Твой дом изменился?

– Не очень сильно, – ответила Чарли. Это была полуправда, но девушка не знала, как объяснить, что именно изменилось.

Они прошли пешком почти три мили: вышли из города и зашагали по старым дорогам, вначале асфальтированным, потом посыпанным гравием. Затем сошли с дороги, поднялись на крутой холм, заросший кустарником и деревьями, которые давным-давно следовало бы подстричь или спилить. За густой листвой показались три крыши, расположенные на большом расстоянии друг от друга. В этих домах уже давно никто не жил.

Наконец ребята вышли на подъездную дорогу, и Джон вдруг встал как вкопанный, не сводя глаз с дома.

– Мне казалось, он не такой пугающий, – тихо проговорил он.

Чарли нетерпеливо взяла юношу за руку, помедлила секунду, потом потянула за собой, повела вдоль дома, в обход. Привести сюда Джона – это одно дело, но Чарли не чувствовала в себе готовности впустить еще кого-то внутрь. Вообще-то она и сама не горела желанием вновь туда входить. Джон безропотно шел следом за Чарли, словно понимая: раз они находятся на ее территории, ей и решать, куда идти.

Участок был большой, на нем умещалась не только лужайка перед домом. На заднем дворе росло много деревьев, и в детстве Чарли часто представляла, что это ее собственное королевство, в котором она – правительница. Трава буйствовала, разросшиеся сорняки доходили ребятам до колен. Они обошли

вокруг дома. Джон все поглядывал на деревья, и Чарли вдруг охватил старый детский страх, порожденный детскими сказками. «Не ходи в лес одна, Шарлотта», – предупреждал ее отец. За этими словами не скрывался никакой зловещий смысл – просто обычное родительское предупреждение «не потеряйся», из разряда «всегда держи за руку взрослого, переходя дорогу» или «не трогай раскаленную печь». Однако маленькая Чарли приняла это предупреждение близко к сердцу. Она, как и все дети, читала сказки и знала, что в лесах обитают волки, а может, и кое-что пострашнее. Девушка поймала Джона за рукав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kouton_kira/pyat-nochey-u-freddi-serebryanye-glaza

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити